

Алексей Супруненко

КРАСНАЯ ТУФЕЛЬКА

ПОВЕСТЬ

Алексей Супруненко

Красная туфелька

Вниз! Вниз, быстрее! Не подставить хвост! И снова следы пуль все ближе и ближе. Надо крутануться вокруг собственной оси, сделать вертушку. Перегрузка вдавликает в кресло пилота. Глаза казалось, вылезут из орбит. Самолет выровнялся над самым лесом. На хвосте никого.

Содержание

Красная туфелька.....	.0004
Глава 1.....	.0005
Глава 2.....	.0008
Глава 3.....	.0017
Глава 4.....	.0029
Глава 5.....	.0049
Глава 6.....	.0057

Красная туфелька

Глава 1

Они лежали в высокой траве за пределами взлетной полосы. На бетонной глади аэродрома тарахтел заправщик, суетились механики и в полголоса поругивались техники, разгружающие боеприпасы для самолетов. Она — баронесса Селина Дюран и он простолюдин, студент института — Поль Морель. Селина отмахивалась от назойливой мошкеры полевым цветочком, который ей подарил Поль. Сам парень жевал травинку, отрешенно уставившись в голубое небо. Они оба молчали, но это молчание было больше любых слов. Что могло связывать представительницу высшего сословия с простым студентом? Раньше возможно и ничего, но сейчас, когда их Сандалорское королевство ввязалось в войну на стороне стран Оси, их стала объединять форма Королевских ВВС Сандалора. Они оба носили темно синий мундир с лейтенантскими погонами и петлицами с изображением крыльев. Судьба их свела еще в летной школе Триксила, куда она попала по зову сердца, а он по повестке военкомата. Мировая война полыхала уже три года, втянув в свой кровавый круговорот десятки стран и народов. Король Сандалора Август Второй, несмотря на то, что страна находилась на побережье Средиземного моря зажата с двух сторон Францией и Италией, тяготел симпатиями к гитлеровской Германии и следовал в фарватере ее политики. Вместе с итальянцами он ввязался в войну с Францией и получил некоторые крохи, после подписания перемирия между Францией и Италией 23 июня 1940 года, в виде частички французской земли, отошедшей под юрисдикцию Сандалора. Этого показалось мало и, следуя союзническим обязательствам, Август Второй поддержал своими немногочисленными войсками военную компанию Италии на Африканском континенте.

Селина хорошо помнила, как все тогда начиналось. Пылкие речи короля, транслировавшиеся по радио и толпы людей, замерших на городских площадях перед радио трансляторами. Потом были ночные факельные шествия, сродни тем, которые проходили в Германии. Общая эйфория, охватившая население королевства. Она тогда еще училась в институте и обучалась в аэроклубе. Весьма модное увлечение для молодежи, тех лет. Глава семейства Дюранов, которое проживало в собственном особняке возле Триксила, всегда старался купить свежую прессу, чтобы узнать последние вести с театров войны. Успехи германского оружия восторгали его, а вот итальянцами отец был не доволен. Когда в Триксил прибыл первый поезд с ранеными сандалорцами все это было обставлено с большой помпой. Оркестр, выступление мэра и военных, девушки из Красного Креста в ярких белоснежных одеяниях. Вот только лица раненных солдат, почему-то не выражали особой радости от такой встречи. Охваченная патриотическими чувствами и сама Селина, вместе с подругами из института, вызвалась оказывать посильную помощь воинам, прибывшим с фронта. Когда подобных поездов стало больше, их уже никто не встречал. Белоснежные фартуки мед сестер порыжели от крови, а желающих стирать бинты и выносить судна из-под раненных, значительно поубавилось. Общество незаметно для себя перевернуло глянцевую страничку войны. Радостных событий уменьшилось. Соседи стали получать похоронки, на улицах города появились инвалиды и легкораненые. Самым ярким событием этого года для девушки стало завершение обучения в аэроклубе. Теперь она сама могла управлять самолетом, пусть не военным и не большим, а всего лишь

учебным, но и это достижение! Понять радость от чувства полета, наверное, мог только тот, кто сам поднимался в небо. Она боготворила самолеты, до той поры пока к ним не прилетели английские бомбардировщики. Жители Сандалора слышали о бомбардировках по радио, читали в газетах, но одно дело слышать, а другое прочувствовать это на собственной шкуре. Когда «Виккерсы» сбросили на город свой смертоносный груз — это был шок, который перерос в панический страх. К прилету врага оказались не готовы и военные. Зенитки хаотично лупили в небо, не причиняя вреда авиации противника, а собственные истребители так и не появились над Триксилом. Наверное, именно тогда она решила, что должна пойти в армию, чтобы остановить весь этот ужас.

Отец поддержал ее, а мать проплакала всю ночь. В военкомате к идее служить в ВВС отнеслись скептически. Наверное, просто не было таких прецедентов. Выручил папин друг из министерства пропаганды. Из простого желания девушки послужить Родине, сделали целую пропагандистскую компанию. Вот только любовь к Родине напоказ, понравилась далеко не всем. В летном училище на нее сразу же ополчились. Не бабское это дело быть истребителем. Попытались отбить охоту летать всеми доступными методами. Если казарма, то общая. Умывальник один на всех. Ни каких юбок, форма единообразная как у всех курсантов. И вообще ни каких поблажек!

Селина тихо вздохнула, вспоминая курсантскую жизнь. Наверняка она бы тогда сломалась, если бы к ним не перевели нового курсанта Поля Мореля. Единственный человек, который не пошел на поводу преподавательского состава и курсантов, желавших выслужиться перед офицерами училища и устраивающих травлю девушки-пилота. Они сидели за одной партой на занятиях. Ели за одним столом и спали на соседних койках. Над Морелем постоянно подтрунивали, а он вел себя так, словно и не замечал этого. Все говорили о них как о влюбленных, но любила ли она Поля? Да, была бескрайне благодарна за его поддержку и заботу, но любила ли? На этот вопрос девушка сама себе не могла дать вразумительного ответа. Сегодня парень набрался мужества и пригласил ее на свидание. Наверняка хотел признаться в любви. Селина видела это и специально не дала парню сделать первый шаг. К чему глубокие чувства на войне, когда не знаешь, сколько тебе осталось? Зачем строить планы, которым быть может никогда не осуществиться? К тому же Мореля и часть ребят из их полка переводили в Ливию в распоряжение «Африканского корпуса» Роммеля. Считаю, это была их последняя встреча. Вот так и промолчали все свидание, думая каждый о своем. Затем общее построение, пламенная речь командира полка и дружеские прощания с убывающими пилотами. В этот раз он не смог отмолчаться.

— Селина, я не знаю, что ждет меня в Африке, но я очень хочу вернуться и не потому, что привык к ребятам и полку, а потому что здесь остаешься ты.

— И я буду ждать твоего возвращения, — нежно ответила Дюран.

— Я, я..., - хотел продолжить пилот, но девушка прикрыла ладонью его рот,

— Не надо слов. Они только ранят душу. Возвращайся живым, — попросила она.

— По машинам! — раздалась строгая команда. Летчики двинулись к грузовикам. Морель шагнул за остальными.

— Поль! — вскрикнула девушка. Тот оглянулся. Баронесса бросилась к нему на шею и впилась поцелуем в его губы. Они так простояли долгих две минуты.

Старший колонны не выдержал и поторопил парня. Вырвавшись из объятий, Селины Морель забрался в кузов грузовика. Девушка со слезами на глазах замахала ему рукой.

— Я обязательно вернусь! — перекрикивая шум мотора, закричал пилот.

— Я буду ждать! — донеслось в ответ.

Глава 2

Ожидание оказалось тягостным. Сводки с фронта приходили хуже одна другой. Союзники Сандалора терпели поражение за поражением. Англичане, почувствовав слабость стран Оси стали все чаще и чаще совершать авианалеты на Италию. Вот теперь им по-настоящему пришлось схлестнуться с англичанами и американцами. Их полк был укомплектован в основном самолетами, закупленными правительством Сандалора еще до войны, во Франции и Италии. Собственного производства в маленьком королевстве не было и пришлось воспользоваться близостью таких мощных соседей. Не высокая степень обученности пилотов и устаревший парк машин, привели к тому, что полк изрядно поредел. В Сандалоре было всего два оборудованных аэродрома, один во втором по величине городе королевства Триксиле, а второй в Нетл-Дразе. Их группу в составе двух эскадрилий перевели в Нетл-Драз. Туда же перекинули и немецкую группу истребителей. Их обрисованные «Мессершмитты» прилетели со стороны Сицилии, где не хватало оборудованных бетонной взлетной полосой аэродромов. Комизо, главная база люфтваффе не могла сосредоточить в одном месте все силы воздушного флота. Это было весьма рискованно и не рационально. Часть 53 истребительной эскадры перевели в сравнительно спокойный от войны Сандалор. Министерство пропаганды совместно с военными организовало торжественный прием германским летчикам. Построение остатков полка, приветствие, клятвенные заверения в преданности союзническому долгу и в частности Адольфу Гитлеру и праздничный обед в завершение программы. Сандалорцы с каким-то тайным трепетом смотрели на бравых немецких вояк, которые так лихо, в отличие от итальянцев, трепали войска Союзников. В столовой они скромно жались к стенке, заняв несколько столиков. Сандалорцы из-за места расположения королевства отлично знали французский и итальянский языки, но не говорили на немецком. Военное командование позаботилось о переводчице, но тот крутился возле старших офицерских чинов. Простые летчики пользовались в основном языком жестов. Наличие среди сандалорских военных женщины-летчика немцы сразу заметили и оживленно обсуждали между собой. Это Селина поняла по их взглядам и жестам. Самый храбрый из них держа в руке бутылку вина, зашагал к столу Дюран.

— Разрешите присесть возле вас, — на ломанном французском попытался изъясниться гость.

— Присаживайтесь, обер лейтенант, — кивнула она мужчине, ответив на чистом немецком. Глаза у военного округлились.

— Вы говорите по-немецки? — удивился подошедший.

— Что вас так удивляет? — сохраняла Селина спокойствие.

— Вы немка?

— Не совсем. У меня отец немец, а мать француженка. Немецкий знаю с детства, плюс изучала его и в институте, — пояснила собеседница.

Лицо летчика расплылось в улыбке.

— Нам несказанно повезло. А я-то думаю, как наш майор собирается находить общий язык с вашим капитаном? — отодвинул мужчина свободный стул в сторону рядом с Селиной.

— Я не переводчица. А пилот, — уточнила Дюран.

— Мне все больше начинает нравиться идея нашего командования о переводе нашей группы в Нетл-Драз. Теперь мне придется не только беседовать с представителем прекрасного пола, но еще и летать с такой очаровательной девушкой как вы, — расплылся в комплименте обер лейтенант.

— Разрешите представиться, Юрген Шмидт, — склонил голову летчик.

— Баронесса Селина Дюран, — кивнула в ответ девушка.

— Мой бог! Еще и баронесса! Разве может быть столько достоинств в одном человеке? — воскликнул немец.

— Да вы ловелас, Юрген Шмидт, — прищурив глазки, ответила девушка.

— Так и сыплете комплиментами.

— Разве тут кто ни будь, устоит перед таким искушением? Вы словно богиня, спустившаяся с небес, в прямом и переносном смысле. Баронесса, немка по отцу, красавица, да еще и пилот! Как тут вами не восторгаться? Наверняка весь полк боготворит вам?

— Отнюдь. Можно сказать, даже наоборот. Многие бы не хотели видеть меня здесь. Я им приношу одни неудобства. Тот, кто был близок мне по духу сейчас далеко, — она кивнула на стакан компота, который сиротливо стоял в сторонке. Парню были известны подобные ритуалы. Не хватало только кусочка хлеба сверху.

— Он погиб? — участливо спросил Юрген.

— Не знаю, — пожала плечами Дюран.

— Его перевели в «Африканский корпус» и последнее время письма от него перестали приходить, — грустно продолжила Селина.

— Сейчас там не сладко, — согласился Шмидт.

— Но вы не расстраивайтесь и на войне бывают чудеса. Может, он ранен и находится в госпитале и не может написать? — назвал офицер один из возможных вариантов.

Селина отвернулась, чтобы смахнуть набежавшую слезинку.

Парень аккуратно положил свою руку ей на ладонь.

— Мой вам совет, живите сегодняшним днем. Жизнь истребителя так скоротечна, что стоит радоваться каждому счастливому моменту. Я прошел через это.

— Вы теряли близких людей? — поинтересовалась Дюран.

— Друзей довольно часто. Особенно последнее время, — ответил он.

— А близких?

— Мои родители пропали без вести после очередной бомбежки американцев. Их не нашли мертвыми, но и никто не видел живыми, — посуровев произнес обер лейтенант.

— Вы не женаты? — удивилась девушка.

— Хотел, но война внесла свои коррективы. Девушкам нужно твердое мужское плечо, на которое можно опереться, а у нас только крылья, — пошутил Юрген.

— Мы словно птицы, сегодня здесь, а завтра там!

— Вы философ, — усмехнулась Селина.

— Не только. Иногда чувствуешь себя богом. Не бывало такого? Когда с самолетом чувствуешь себя единым целым, а на прицеле самолет противника и ты вправе решать, жить ему или нет! — взволнованно произнес Юрген.

— Тогда скажите и об оборотной стороне медали, когда ты вошел в штопор

и земля неумолимо приближается, а сзади висит погоня и теперь уже не тебе решать, кому дарить жизнь, — глядя ему в глаза произнесла собеседница. Парень убрал руку с ее ладоней.

— Вы это испытали? Тогда должны согласиться со мной, что жить нужно здесь и сейчас, не оставляя ничего на потом, потому что завтрашнего дня может и не быть, — спокойно продолжил истребитель.

— Ну, что ж вы меня убедили, — улыбнулась в ответ баронесса и отодвинула в сторону стакан с компотом.

— Разрешите перейти на ты? У нас одинаковые звания и возраст позволяет, — предложил Шмидт.

— Я не против, — согласилась она.

— Пользуясь, случаем, хочу познакомить тебя со своими друзьями. В основном нормальные, порядочные ребята, — решил поменять формат общения немецкий пилот. Девушка не возражала. Обер лейтенант подвел знакомую поближе к германским асам.

— Господа, хочу рекомендовать вашему вниманию чистокровную немку, баронессу Селину Дюран!

С немкой он, конечно, приврал, но никто в подробности ее происхождения вдаваться и не собирался.

— Здравствуйте господа! Рада вас приветствовать на земле Сандалорского королевства! — на немецком приветствовала гостей Дюран. Командир полка Королевских ВВС толкнул в бок своего зама.

— Какого черта, я тащил из столицы переводчика, если у нас у самих есть немки? Жак, как вы смотрели в личное дело Дюран? Вы только и знаете, что жаловаться на присутствие в полку женщины и не замечаете, какую выгоду она может нам принести. Каким образом мы будем налаживать взаимодействие с друзьями из Германии, если сами на немецком ни в зуб ногой? На пальцах что ли?

— Так у нас переводчик есть и среди прибывших я слышал, по-французски говорят, — оправдывался Жак.

— Вот о немцах все сразу узнал, а о своих ничего не знаем, — укоризненно покачал головой командир.

Летчики люфтваффе одобрительно загудели.

— В честь нашего знакомства предлагаю выпить! — открыл бутылку с вином, Шмидт. Зазвенели бокалы, наполняемые алой жидкостью.

— За прекрасную даму! — поднял бокал Юрген.

— За нашу победу! Хайль Гитлер! — крикнул кто-то из группы летчиков.

— Умеете вы, Ганс, придать пикантности вечеринке, — недовольно заметил Юрген.

— Оставьте ваши лозунги для партийного собрания. Здесь никто не сомневается в нашей победе. Хайль Гитлер!

Шмидт подхватил Селину под руку.

— Я же говорил, что почти все из наших летчиков нормальные парни.

Акцент был смещен именно, что почти все. Ах, это милое почти...

— Баронесса, вы танцуете? — прошептал он ей на ухо.

— Вообще-то да, но какие могут быть танцы во время войны, да еще где!

— Почему нет? Сегодня лететь мы никуда не собирались. Можно и расслабиться, — не особо переживал обер лейтенант.

— А если налет? — хитренько спросила Селина.

— Я даже выпивший готов драться с англичанами и поверь, сделаю это не хуже, чем трезвый, — бахвалился Шмидт.

— Вальтер, наша дама хочет танцевать, — обратился Юрген к своему другу.

— Я видел у наших техников патифон. Мы можем организовать танцы?

Вальтер все понял и быстро растворился в толпе. Гости, несмотря на напускную суровость, оказались весьма компанейскими. Не прошло и часа, как в столовой играла музыка и кроме Дюран, появились и другие женщины, из числа поваров, связисток и другого обслуживающего персонала. Понятное дело, что гвоздем программы была Селина. Надолго ей не удавалось потанцевать ни с одним партнером. Каждый хотел хоть чуть-чуть покружить в танце эту удивительную немку.

Следующий день показал, кто на аэродроме хозяин. Майор Отто Шнайдер, с которым, кстати, успела потанцевать и Селина, на ее первый взгляд добрый, отзывчивый дядечка, по-хозяйски расхаживал по взлетной полосе, отдавая приказания, как своим подчиненным, так и капитану Пьеру Лерцу, который до прибытия гостей, руководил всеми здешними службами. Формально он и дальше оставался за главного, но только формально и каждый это прекрасно понимал. Услышав отрывистые команды Шнайдера, баронесса выбросила из головы светлый образ доброго дядечки. Майор может и не был злым, а всего лишь требовательным. Немецкие пилоты строго соблюдали воинскую субординацию, чего о них нельзя было подумать день тому назад. В вечер их знакомства парни смахивали на каких-то анархистов в форме люфтваффе. Сегодня они выглядели как подтянутые, исполнительные солдаты Великой Германии. Лерц кряхтел, записывая со слов переводчика все распоряжения майора в свой блокнот. Работы ему предстояло много. Немцы не терпели бардака, а назвать порядком организацию службы аэродрома можно было, только с большой натяжкой. Изменения коснулись всего, начиная от скатертей в офицерской столовой, заканчивая зенитными расчетами. Селину младшие офицеры люфтваффе использовали в качестве переводчика, когда вопросы взаимодействия заходили в тупик. Шнайдер решил использовать силы Королевских ВВС в совместных полетах с его звеньями. Сандалорцы так раньше и летали, только вместе с итальянцами, с которыми у них не было языкового барьера. Вот только Селина, по всяким надуманным причинам всегда оставалась в стороне. То надо было что-то перевести, то самолет не готов, то очередь не подошла. Разгневанная баронесса Дюран направилась к капитану в штаб. Разговор получился на высоких тонах. Лерцу не нравилось, что им помывает какая-то девица, со связями в министерстве пропаганды. Она еще будет указывать прав он или не прав. Если захочет, то вообще от полетов отстранит!

Селина выскочила от капитана красная как рак. Из глаз, что только искры не летели. На пороге в штабной домик столкнулась нос к носу с майором Шнайдером. Умудренный опытом офицер сразу же заметил крайне взвинченное состояние девицы. Баронесса отдала честь и хотела пройти мимо, когда старый немец остановил ее.

— Когда я вижу своих пилотов в таком эмоциональном состоянии как у вас, я по возможности стараюсь освободить их от полетов. Разгневанный человек не в состоянии трезво оценить обстановку и поэтому он становится потенциальным смертником. Мне не нужны смертники, мне нужны пилоты,

приносящие смерть врагу. Я не желаю отправлять похоронки родственникам, чей сын в порыве горячки, принял не правильное решение и глупо погиб.

— Меня и так отстранили от полетов. Все летают, одна я перевожу какие-то бумажки и выполняю мелкие поручения. А я, не секретарша и пришла сюда Родину защищать, как боевой пилот! — стиснув зубы, зло выпалила Селина.

— Ну, предположим ни какие-то бумажки, а приказы и распоряжения командования люфтваффе 3-го воздушного флота, — поправил он баронессу.

— Считаю вашу работу полезной.

— Но, я же пилот! Я училась в летной школе Триксила, — приводила свои доводы Дюран. Старый немец внимательно посмотрел на девушку.

— В этом вы правы лейтенант. Оси не хватает обученных пилотов, поэтому завтра вы совместно с обер-лейтенантом Шмидтом и фельдфебелем Вальтером Шульцем, в составе звена вылетаете на боевое патрулирование, — отдал он приказ с напускной суровостью на лице. У Селины округлились от удивления глаза. Все так просто? Причем с самим обер-лейтенантом? Она хотела сказать спасибо, но вовремя вспомнила, где находится.

— Есть, готовиться к вылету на боевое патрулирование с обер-лейтенантом Шмидтом и фельдфебелем Шульцем, — взяла она под козырек. Лицо ее засияло от удовольствия. Майор хмыкнул.

— Но это не значит, что мне не понадобится ваша помощь по мелким поручениям, — добавил мужчина.

— Рада буду выполнить любое из них! — в приподнятом настроении заявила Дюран. Она сразу же помчалась к своему механику, чтобы тот заранее готовил самолет к вылету. Техники снарядили пулеметные ленты, прогнали в холостую двигатель, проверили работу подкрылков и лонжеронов. Все это время Селина крутилась рядом.

— Ну и как, готов самолет к вылету? — раздалось у нее за спиной. Девушка резко обернулась. Рядом стоял Юрген. Он протянул баронессе полевой цветок.

— Готов! — доложила Дюран.

— Вы знаете, что завтра мы с вами вылетаем на боевое патрулирование? — поинтересовалась Селина.

— Почему сразу вы? Тут никого постороннего нет.

— Ну, хорошо. Ты знаешь, что у нас завтра вылет? — поправила девушка.

— Конечно, знаю. Ты, я и Вальтер. Вот только конь у тебя французский, — похлопал Шмидт по хвосту ее самолет.

— Пойдешь у меня ведомой, — более серьезно сказал обер-лейтенант.

— Здесь мы на ты, и можем позволить себе некоторые вольности, но в небе я твой ведущий и ты будешь выполнять все мои приказы беспрекословно. Понятно? — голосом, не допускающим ни каких возражений, произнес Юрген.

— Так точно, обер-лейтенант! — щелкнула каблуками Дюран. Шмидт ухмыльнулся.

— Не обижайся, — миролюбиво продолжил мужчина.

— Лучше обговорить все на земле, чем выяснять отношения в воздухе.

— Никто и не собирался их выяснять. Вы старший и значит, командуете вы.

— Ну, вот обиделась, а зря! С Вальтером мы друзья, но в небе есть командир и подчиненный и это не обговаривается, — пытался помириться немец.

— Я все поняла, — с серьезным видом ответила Дюран, протягивая ему об-

ратно цветок.

— Если поняла, то вылет завтра в восемь, — назвал время Шмидт и выбросил растение под ноги.

Взлетели один за другим в положенное время. Французский самолет D520 «Девуатин» почти ни в чем не уступал «Мессершмитту» Vf109E и особо подстраиваться парням под девушку не пришлось. Вышли в район патрулирования. Поднялись до отметки в 6000 метров. Нырнули в облако и собирались уходить обратно, когда в наушниках раздался голос Вальтера.

— Командир, противник на семь часов, потолок 3000 встречным курсом.

Шмидт посмотрел вниз. Быстро приближающиеся шесть точек. Самолеты и скорее всего англичане. Глазастый Шульц внес коррективы.

— Скорее всего, Кертисс P40 «Уорхок». Не самый грозный противник, но их шестеро против троих. Нас пока не видят. Может, уйдем? Шнайдер за девчонку шкуру снимет.

Девушка, услышав такое, закрипела зубами. Шмидт словно почувствовал ее настроение.

— Если заметят, то точно не открутимся, — раздумывал обер-лейтенант.

— Что делаем? — ждал приказа Шульц.

— Заходим от солнца и атакуем, — принял решение Юрген.

— Мы сверху и дай бог, нас сразу не заметят. Селина, держись моего хвоста, поехали!

Используя преимущество в высоте, они спикировали на врага, разогнав самолеты до максимума. Дюран держалась сзади и чуть ниже «Мессершмитта» Юргена. Их заметили слишком поздно. Шмидт отработал из пулемета и потянул рычаг управления, на себя набирая высоту, чтобы атаковать вновь. На какие-то доли секунды Селина заметила впереди снизу стайку самолетов и нажала на гашетку. Рассматривать попала или нет, было не когда. Набор высоты, но так, чтобы держаться хвоста Юргена. Он свалился на левое крыло и снова пошел вниз. Боковым зрением баронесса заметила и самолет Вальтера. Противник рассыпался в стороны, и теперь надо было выбирать индивидуальную мишень. Шульц ушел дальше влево, погнавшись за «Уорхом», а они атаковали ближайшего врага на P40. Огненные трассы Шмидта стеганули по фюзеляжу англичанина, а Селина сумела попасть ему в хвост. И тут крупнокалиберные пули прочертили свой зловекий след у ее кабины. Какой-то смельчак все же подобрался сзади.

— Юрген, я атакована сзади! Попытаюсь сбросить его с хвоста! — взволнованным голосом доложила Дюран.

— Заходи в пике и не дай ему прицелиться! Я сейчас помогу тебе, — прохрипел динамик.

Вниз! Вниз, быстрее! Не подставить хвост! И снова следы пуль все ближе и ближе. Надо крутануться вокруг собственной оси, сделать вертушку. Перегрузка вдавликает в кресло пилота. Глаза казалось, вылезут из орбит. «Девуатин» выровнялся над самым лесом. На хвосте никого. Начала набор высоты, внимательно следя по сторонам. Где же враг? Их ведь было шестеро? Двигатель ревет вовсю, поднимая самолет все выше и выше. Вот теперь и она увидела противника. P40 стало меньше и они, несмотря на свое превосходство в численности особо в атаку не рвались, если не наоборот. Дюран подтянулась к своим, но в бой не успела вступить, потому что «Уорхоки» дали деру. От них остался

один парашютист со сбитого самолета, которого ветер уносил в сторону леса.

— Уйдет, гад! — дала очередь из пулемета Дюран.

— Успокойся девочка, — раздался в наушниках голос Шмидта.

— Настоящие пилоты не стреляют в сбитых летчиков. Таков кодекс чести.

Селина убрала руку с гашетки.

— А где все? — осматривала горизонт баронесса.

— Удрали, — хихикнул Вальтер.

— Я видела только четверых, а где еще два?

— Сбили, — доложил Шульц.

— Одного мы и одного ты.

— Я? — не поверила девушка.

— Ну, да. Ты разве не помнишь? — веселился фельдфебель.

— Обер-лейтенант это шутка? — решила она заручиться поддержкой Шмидта.

— Нет, — вполне серьезно ответил мужчина.

— Но, это же вы попали в него, — не хотела верить баронесса.

— Попасть попал, но не нанес серьезного ущерба, а ты добила его.

— Врете! Зачем вы смеетесь надо мной? — чуть не кричала Селина.

— Кто смеется? — не дрогнувшим голосом спросил Юрген.

— О вашем героическом поступке будет составлен мной соответствующий рапорт. Фельдфебель Шульц подтвердит мои слова. Можешь записать на свой счет сбитого англичанина, — поздравил ее обер-лейтенант. Селина не поверила парням, подумала, что издеваются. В Нетл-Дразе Шульц подошел к товарищу, пользуясь тем, что Дюран замешкалась у самолета.

— Юрген, извини меня за эту шутку с англичанином. Я знаю, что Р40 сбил ты, я хотел поддержать Селину, а получилось, что украд твою победу, — виновато сказал мужчина.

— Не переживай. Одним больше, одним меньше. Мне все равно, а ей очень важно для поддержания духа. Подтверди, что «Уорхока» сбила именно она, — попросил друга Шмидт.

— Ты имеешь виды на эту девицу? А как же Барбара? — недоумевал Вальтер.

— Барбара осталась в Германии. А мы с тобой в Сандалоре. Вернемся ли на Родину еще неизвестно.

— Но она же полукровка! — не понимал Шульц политики друга.

— Ты, когда ложишься с женщиной в постель всегда спрашиваешь ее паспорт? Главное, чтобы она тебе нравилась — пошутил Юрген.

— Я не такой неразборчивый в связях. Тебе она нравится? — задал вопрос Шульц.

— Нравится, — подтвердил пилот.

— А, что дальше? — хотел знать собеседник.

— А дальше война. Живи красиво, Вальтер. Вернемся в Германию, и будет Барбара, здесь Селина.

— Ты просто ловелас, Юрген. Я, конечно, подыграю тебе, это ведь твой сбитый.

— Спасибо, Вальтер. Ты настоящий друг, — поблагодарил обер-лейтенант.

Они втроем явились в штаб, где доложили о результатах патрулирования и написали письменный отчет. Как и обещал Шмидт, он приписал сбитый Р40

на счет Селины. Немецкие пилоты стояли и курили у порога, когда к ним вышла баронесса.

— Что так долго? — между прочим, поинтересовался Юрген.

— Капитан Лерц пристал с расспросами. Не поверил, что я сама свалила «Кертисса», — пояснила свою задержку Дюран.

— Значит, нам не поверил? — недовольно переспросил немецкий офицер.

— Да, ну его. Хочу быть похожа на вас, — неожиданно заявила Селина. Друзья непонимающе переглянулись.

— Что значат эти рисунки на ваших самолетах?

Теперь они поняли, куда клонит девушка.

— Вот, например, у вас обер-лейтенант, почему на фюзеляже изображена голова рыцаря? — задала вопрос Дюран. Вместо него ответил Шульц.

— Рыцарь неба, потомок знатного рода.

— А у вас фельдфебель? — повернулась в его сторону сандалорка.

— У меня на борту саксонский волк. Я родом из Саксонии. Но разве так важно, как разрисован твой «Мессершмитт»?

— Очень. Давит психологически, — нашла, что ответить Дюран. Ребята улыбнулись. Они и сами прекрасно это знали.

— К сожалению не всем подразделениям люфтваффе разрешено такое. Эту честь надо заслужить. А ты бы, что хотела изобразить на самолете? — шутя, спросил фельдфебель. Селина не раздумывая ответила — «Красную туфельку».

Вальтер хихикнул.

— Почему туфельку? Разве это напугает противника?

— Если туфелька, то значит, что за штурвалом женщина. Коль так, то значит слабый противник. Это расслабляет. Хуже всего недооценить своего врага, — философски ответила баронесса. Мужчины уважительно кивнули головами.

— Не плохо придумано! Что мешает нарисовать туфельку?

Собеседница кивнула головой на штаб.

— Лерц с ума сойдет, если узнает. Зачем мне лишние неприятности?

— Тогда возьми такой позывной. У вас я вижу, все только с цифрами связано, первый, второй, десятый, — сделал новое предложение Шульц.

— Я подумаю, — сказала Дюран, упорхнув от парней.

Внедрить новый позывной оказалось не так просто. Кое-кто из ее земляков не желал, чтобы девица выделялась среди них, и продолжали использовать старую абвиатуру. Порой во время полетов можно было услышать, как «земля» вызывала девушку.

— Седьмой, седьмой, я «земля» ответьте!

В ответ тишина.

— Седьмой, как меня слышите? Седьмой? Мать твою!

— Я «Красная туфелька» слышу вас хорошо.

— Какая еще туфелька? Дюран, после окончания полетов зайдешь в штаб! Я тебе покажу туфельку! — орал капитан Лерц в микрофон. На следующий день та же картина. Зато немцы, если работали в спарке с сандолорцами, не преминули назвать Селину «туфелькой», наверное, чтобы позлить сандалорское начальство. Понятное дело, что начальство закипало, словно чайник и грозило девчонке всеми смертными карами. Лерц умудрился отправить Дюран даже на гауптвахту, но связи девушки в министерстве пропаганды все же помогли

ей переломить ситуацию. Лерц плевался, проклинал все на свете, но все же, хоть и через раз, но называл новый позывной Селины.

Глава 3

К маю 1943 баронесса имела на счету четыре сбитых самолета и считалась Касом в Королевских ВВС. Последняя надежда Дюран, увидеть Поля живым, рухнула с капитуляцией войск Оси в Северной Африке. Командование подкинуло им несколько устаревших на тот момент французских MS.406 «Моран Солнье» и парочку Н.75 «Кертис». Из летной школы Триксила прибыло молодое пополнение пилотов. На какое-то время Селина выпала из расписания боевых полетов, вплотную занявшись новичками. В том, что именно на нее возложили такую миссию, она подозревала, что это месть Лерца. Лишь только потом она поймет, что таким способом капитан пытался уберечь ее. Война все ближе подбиралась к их дому, и над Средиземным морем становилось «жарко». Во второй половине мая она неожиданно получила письмо от Поля. Баронесса не поверила своим глазам. Внимательно посмотрела на штемпель, насколько оно было «свежим». Иногда случалось, что людям приходили письма, отправленные достаточно давно, но по каким-то причинам затерявшиеся в недрах военной почты. Выходило, что человек погиб, а родственники продолжали получать от него письма. Здесь все было по-другому. Штемпель говорил о том, что письмо было отправлено не так давно и причем из Триксила. Трясущимися от волнения руками она открыла конверт. После прочитанных строк все стало на свои места. Шмидт был прав насчет чудес. Так получилось и с Морелем. Его сбили в Ливии, и он чудом спасся. Раненого парня на корабле переправили в Италию, где он провалялся по разным госпиталям, пока не очутился в Триксиле. Она светила от радости, и ей так хотелось поскорее повидаться с Полем, но как? Он в ее родном городе, а их эскадрилья базируется в Нетл-Дразе. На аэродроме зашумели. Возвращалась с задания немецкая эскадрилья. Дюран привычно пересчитала кружившие над бетонкой мессершмитты. Маловато для эскадрильи. Заходили на посадку, тоже странновато. У одного истребителя не открылись шасси, и он просто плюхнулся на брюхо. Благо не загорелся при ударе. К упавшему самолету помчала пожарная машина, и побежали санитары. Что-то екнуло у девушки внутри, и она сама, прибавив шагу, поспешила к самолету. Сандолорцы, недолюбливали немцев, за их высокомерность и поэтому сдерживали свои эмоции, не слишком переживая за союзников. Дюран, напротив относилась к парням из Германии хорошо, и они ей платили той же монетой. Наверное, такое отношение еще обуславливалось и тем, что она считалась фольксдойче. Упавший самолет она опознала сразу, по нарисованному на борту шлему рыцаря. Кабина пилота открылась, и на крыло спрыгнул Юрген. Он отстранил от себя санитаров, заверив их, что с ним все в порядке. Его острый взгляд сразу же приметил в толпе фигурку девушки. После доклада старшему офицеру и слов благодарности товарищам, выразившим свои переживания, он подошел к Дюран.

— Живой? Ну, и слава богу! — облегченно выдохнула Селина.

— Ты переживала за меня? — порадовала летчика такая теплая встреча.

— Я всегда переживаю за всех, — схитрила девушка, напрямую, не ответив на вопрос.

— Что мне все? Я спрашиваю за себя, — не удовлетворил мужчину такой ответ.

— Конечно, переживала, — опустив глаза, тихо ответила баронесса.

— Вас сильно потрепали? — решила она перевести разговор на другую тему.

— Не то слово! У них появилось куча новых истребителей, Харрикейны, Спитфаеры, Тандерболты и Аэрокобры. наших четверых свалили, и мы еле унесли ноги. Если дальше так пойдет..., — он многозначительно промолчал. К ним спешил техник Шмидта.

— Извини Штефан, сделал все, что мог! — развел руками Юрген, кивая на неудачно приземлившийся самолет.

— Главное, что вы целы обер-лейтенант. Самолет мы починим или, в крайнем случае, заменят на другой. Жизнь не вернешь, а это всего лишь железо! — ответил техник.

— У вас все философы? — спросила Селина пилота.

— Не знаю. Видишь, как война на людей влияет? А ты чего вся так светишься? Я понимаю, что меня видеть рада, но есть, наверное, и еще какая-то причина? Письмецо от родителей получила? — кивнул он на краешек конверта, торчащий из кармана Дюран.

— Нет. Помнишь, я тебе говорила о друге, который уехал воевать в Северную Африку? Так вот, он нашелся! Лежит в госпитале в Триксиле, — поделилась радостной новостью Селина.

— Я же говорил, что такое возможно, — вспомнил их разговор обер-лейтенант.

— Я так хочу его увидеть, но это в Трексиле! — грустно произнесла девушка.

— Ты ведь и сама оттуда, кажется? — задал вопрос Шмидт.

— Ну, да. Мои родители живут в имении недалеко от города.

— И ты бы была не против, навестить и их? — догадался Шмидт.

— Конечно. Но это так далеко от Нетл-Драза.

— А если взять краткосрочный отпуск? Всего на один день? Ваш капитан может пойти на такое? — интересовался немецкий пилот.

— Не знаю, — пожалала она плечами.

— За один день я боюсь, не успею, — расстроилась Дюран.

— А ты спроси его. За ужином встретимся.

— Угу, — кивнула головой Селина, не особо рассчитывая на успех. Шмидт направился к Отто Шнайдеру с просьбой дать ему отпуск на один день и помочь в решении аналогичного вопроса для Селины Дюран. Майор внимательно выслушал его просьбу.

— Обер-лейтенант, вы стали путать свои амурные дела со службой Рейху.

— Гер майор, я никогда не забывал о Рейхе, даже находясь в постели с женщиной! — отчеканил Шмидт, вытянувшись перед своим начальником. Такой ответ вызвал улыбку на лице майора.

— Вы знатный ловелас и я наслышан о ваших «любовных» подвигах в Италии, но кроме этого я еще и в курсе ваших боевых дел, — произнес Отто Шнайдер, смотря пилоту в глаза. Шмидт не отвел взгляда.

— Одно другому не мешает, гер майор! Я стараюсь неплохо сражаться на два фронта, — браво доложил офицер.

— Похвально, Шмидт. Но мне почему-то жаль эту сандолорскую девицу. Она заслуживает большего, чем иметь разбитое сердце. Я впервые имею дело с пилотами фольксдойче.

— А кто вам сказал, что я собираюсь разбивать ей сердце? Мы просто друзья. Баронесса хочет навестить своего раненного товарища в Триксиле, но без моей и вашей помощи у нее это вряд ли получится. Фрау Дюран на мой взгляд, единственный человек, который рад нашему присутствию здесь.

— Я тоже так думаю, — согласился с ним Шнайдер.

— Если ты действительно просто хочешь помочь девчонке, то я, пожалуй, похлопочу о ней перед капитаном Лерцем, — обещал Отто Шнайдер.

— Ты все равно пока в ремонте и денек отпуска после сегодняшней заварушки тебе не повредит. Только проведи его с толком, — попросил майор.

Юрген щелкнул каблуками и выкинул руку в нацистском приветствии.

— Хайль Гитлер! — устало ответил Шнайдер.

— Завтра утром зайдешь за всеми необходимыми документами.

На ужин Шмидт подсел за столик Дюран. Молодые пилоты неодобрительно косились на немецкого офицера. Последнее время такие взгляды стали встречаться все чаще и чаще. Юрген не мог понять их причину. Вроде бы и союзники, но в глазах сандолорцев сквозит какая-то ненависть, будто бы немцы в чем-то виноваты перед ними.

— Что ответил твой капитан? — поинтересовался пилот, выставляя с подноса тарелки.

— Ты не поверишь! — наклонилась к нему Селина. Она осмотрелась по сторонам, чтобы никто не подслушал их разговора.

— Месье Лерц, был добр ко мне, словно пастор на исповеди. Выслушал без ругани и дал добро на поездку. Только я не знаю, как мне добраться до Триксилы и обратно за одни сутки?

Шмидт понимающе кивнул головой. Сговорчивость Поля Лерца, напрямую зависела от беседы с Отто Шнайдером. Судя по положительному результату, такая беседа состоялась.

— Ты не поверишь, мой командир подписал увольнительную и тоже на сутки. Отдохни, говорит, после боя, ведь твой самолет в ремонте. Может с тобой в Триксил махнуть? — поделился Юрген информацией.

— Правда? — засветились ее глаза.

— Поехали со мной, — предложила Селина.

— Почему-бы и нет? Завтра утром и отправимся, — согласился мужчина. Наперекор сандалорцам он отужинал за одним столом с Селиной Дюран.

Уладив все формальности с документами, парочка на попутке добралась до Нетл-Драза. Городок еще ни разу не подвергался бомбардировкам и поэтому выглядел достаточно мирно. О том, что идет война, можно было лишь судить по большому количеству военных на улице. Обер-лейтенант, заплатив приличную сумму, взял на прокат автомобиль. Дороги Сандолора находились в отличном качестве и поэтому Юрген, гнал не меньше сотни километров в час. В Триксил друзья попали еще до обеда. Заехали в парочку магазинов и завершили свое путешествие в военном госпитале. Дежурная медсестра подсказала, в какую палату им направиться. Девушка открыла деревянные двери с облупленной от времени белой краской, в которую они были покрашены. Обвела глазами жильцов палаты, которые, кто лежал, кто сидел на кроватях. Поль стоял к ней спиной, наблюдая за движением раненных во внутреннем дворике госпиталя, через открытое окно.

— Поль! — радостно воскликнула баронесса и бросилась к Морелю. Мужчи-

на резко обернулся. Дюран не постеснявшись присутствующих, обняла своего друга. Летчик прижал к себе девушку, а сам внимательно рассматривал ее спутника в форме немецких люфтваффе.

— Живой! Почему так долго не писал? — отпрянула от него Дюран и грозно нахмурила бровки.

— Сначала было не до того. Эвакуация, бомбежки, переполненные госпитали, а потом вдруг подумал, зачем писать? Кто я для тебя? — сам себе задал вопрос пилот.

— Ты мой лучший друг, — ответила Селина.

— Вот именно, что друг, — грустно произнес парень.

— А это кто с тобой? Тоже друг? — поинтересовался Морель и лицо его при этом мимолетно посуровело.

— Это Юрген. Он привез меня сюда. Мы вместе воюем.

— Понятно, что вместе, — вздохнул Поль. Дюран сделала шаг назад.

— Что с тобой? Ты ведешь себя словно ревнивый муж. Я мчалась сюда за сотню километров, чтобы увидеть тебя, а ты устраиваешь сцену ревности! — разозлилась Селина.

— Извини, я не прав. Мне очень приятно видеть тебя, — пошел на попятную Морель.

— Я подожду тебя у машины, — сказал Шмидт и покинул палату, чтобы не дразнить раненного. Баронесса положила на тумбочку привезенные гостинцы.

— Как ты? Рассказывай. Я ждала твоего возвращения до тех пор, пока немцы не капитулировали в Тунисе. Надеюсь, что вот-вот вернешься.

— Прости, Селина. Надо было всё-таки написать. Я тоже думал о тебе. Наверное, эти мысли и помогли мне выкарабкаться. Сейчас самое страшное уже позади. Еще немного поваляюсь в этом раю и снова в строй. Пойдем, погуляем? — предложил Поль. Он взял тросточку и опираясь на нее двинулся к выходу.

— Ты рассчитываешь снова летать? — поинтересовалась девушка, наблюдая, как он обращается с тростью.

— Небо стало моей страстью. Вот только отношение к войне изменилось. Я обязательно добьюсь, чтобы мне разрешили полеты. Как там наша группа?

— Из тех, кого ты знал, осталось совсем мало. Сейчас у нас в основном новички из летной школы. Самолетов хороших почти не осталось. Правительство выбила у немцев с десятков единиц и то «Девуатинов», «Моранов» и МВ.152. Они были хороши в 1940, но не сейчас.

— Я летал на подобных самолетах. Поэтому и сбили. У американцев техника лучше. Нам не выстоять против них, — согласился парень.

— У немцев тоже новые самолеты появились, правда, не так много. У Союзников почти всегда превосходство в количестве. Меня уже один раз сбивали. Жаль моего D.520, я так к нему привыкла, — не то похвасталась, не то сожалела Дюран. Морель остановился и взял ее за руку.

— Тебе стоит уйти в отставку. Не хочу тебя потерять. Это не наша война. Она скоро завершится, вот посмотришь. Союзники сломают хребет Гитлеру, — тихо произнес Поль. Селина выдернула свою руку из его хватки.

— Ты, что такое говоришь? Они наши союзники! Как я могу уйти из авиации? Это тоже моя жизнь! — возмутилась баронесса.

— На данном этапе это больше смерть, чем жизнь. Ты еще не видела всей мощи Союзников. Нам надо просто выжить, — продолжал учить ее Морель.

— Что с тобой случилось? Раньше ты так не говорил? — не понимала Дюран такой метаморфозы произошедшей с парнем.

— Я никогда не был сторонником этой войны и считаю, что Август второй совершил глупость, ввязавшись в эту авантюру, — заявил раненный.

— Но ты ведь сам пришел в авиацию?

— Это ты сама пришла, а меня призвали, — напомнил ей мужчина.

— Выбор тогда был не велик, тюрьма или служба. Я выбрал службу.

— И я ее выбрала. Еще все изменится. У всех бывают поражения. В 1940 все было по-другому, почему это не может повториться? — наивно спросила она. Поль с каким-то сожалением посмотрел на эту маленькую дурочку. Неужели она не понимает, что это конец? Сейчас важно для страны выйти достойно из этого конфликта. Король вряд ли сможет это сделать. Он больше не стал пугать Дюран своими крамольными идеями. Поль поинтересовался ее успехами, спросил за капитана. В общем, перевел разговор на нейтральную тему. Девушка хоть и улыбалась все это время своему собеседнику, но осадок от его слов остался. Он проводил ее до машины, а она на прощание даже поцеловала парня в щечку. Юрген терпеливо ждал окончания этого свидания. Немец посмотрел на часы.

— У нас еще остается время. Ты, кажется, хотела навестить родителей? Показывай дорогу.

Селина села на переднее сидение и положила голову на плечо Юргена. Офицер тронул машину с места.

— Что-то случилось? Ты вся не своя. Он обидел тебя? — засыпал мужчину вопросами свою спутницу.

— Нет. Не обидел. Мы были рады друг друга видеть. Мне кажется, Поль сломался, — как смогла, пояснила она.

— Как сломался? Поясни?

— А как ломаются летчики? — вопросом на вопрос ответила Селина. Юрген задумался.

— Наверное, они начинают бояться. Мы, когда взлетаем, никогда не думаем, что это наш последний вылет и лучше остаться на земле. Страх если и приходит, то уже во время боя. Никто не хочет погибать, но если станешь избегать этой вероятности, то станешь просто трусом. Летчик не должен быть трусом, — философствовал Шмидт.

— А ты, когда-нибудь, думал, зачем это все? Эта война, например? За, что или за кого, ты должен сложить свою голову? — спросила девушка.

— Думал. Как ты думаешь, во имя кого мы воюем?

— Во имя фюрера! — скептически ответила Дюран. Водитель ухмыльнулся.

— Во имя Великой Германии, — был его ответ.

— А фюрер? — удивилась девушка. Интонация ее голоса рассмешила Юргена.

— И за фюрера, конечно! Как же без него?

— Ты все смеешься, а я серьезно спрашиваю, — надула губки Дюран.

— Да не бери ты эти глупости в голову. Живи как мотылек. Время сейчас такое, что нас зачастую и не спрашивают, чего мы хотим и любим. Страшное и в тоже время прекрасное время.

— Почему прекрасное, если за нас все решают? — не понимала Селина.

— Это я так думаю. Во время войны все чувства яркие настоящие, потому что не знаешь сам, сколько тебе отмерено. Если дружба, то до гроба, ненависть до смерти, а любовь до экстаза! Живешь одним днем, без оглядки. Не надо думать, как встретишь старость, и что с тобой приключится через 20 лет. Все здесь и сейчас!

Селина присмотрелась к этому бесшабашному летчику люфтваффе.

— Ты фаталист какой-то и словечки у тебя интересные. Экстаз! — повторила девушка.

— И много у тебя этих экстазов было?

— Действительно хочешь знать? — повернул обер-лейтенант голову в ее сторону.

— Не хочу, — отодвинулась она к дверце машины.

— Зачем мне это знать?

Больше к этой теме не возвращались. Их «Мерседес-бенц» вырулил за черту города и вскоре они очутились в усадьбе семейства Дюран. Встреча с родителями оказалась такой эмоциональной и трогательной, что даже у немецкого аса кольнуло в сердце. Усадив заплаканную мать на диван, девушка-пилот представила своего спутника.

— Это мой товарищ из люфтваффе обер-лейтенант Юрген Шмидт.

Моментально в семье Дюран заговорили на немецком языке. Мать Селины убежала готовить кофе, а отец предложил гостю занять место за столом.

— Мне приятно, что у моей девочки такие друзья. Я сам родом из Восточной Пруссии. После позорной капитуляции и катастрофического положения в экономике, мне пришлось покинуть Германию и пустить корни в Сандалоре. Здесь я повстречал незабвенную Софи, и у нас с родилась дочь Селина.

Когда барон говорил о своей жене, он с какой-то присущей пожилым людям нежностью смотрел на вернувшуюся из кухни хозяйку. Женщина расставила на столе чашечки с ароматным напитком и поставила тарелку с круасанами.

— Угощайтесь, — улыбнулась француженка.

— У вас не плохой дом, — похвалил Шмидт отца Селины.

— Мы много работали, чтобы построить свое семейное гнездышко. А вы сами, откуда? — задал встречный вопрос Штефан Дюран.

— Я из Берлина. Мои родители были служащими. Почему были? Потому что после очередной бомбежки, они пропали без вести, но я продолжаю верить, что они живы и скоро найдутся. В общем, ничего примечательного, обычная немецкая семья.

Родители девушки понимающе кивнули головами. Чтобы не бередить раны гостя, глава семейства задал следующий вопрос.

— А в люфтваффе как попали? — продолжал интересоваться хозяин.

— Все очень просто. В детстве увлекался планеризмом. Небо увлекло мальчишку, и волей судеб оказался в летном училище. Таких как я в Германии было много. Военная карьера, авиация и вот я здесь. У вашей дочери, наверное, было подобное?

— Ну, да. Только мать не одобряла такого увлечения, — признался отец.

— И сейчас не одобряю, — высказала свое мнение Софи.

— Не женское дело воевать, особенно быть летчиком.

— Она у вас легенда. В люфтваффе есть женщины пилоты. Но истребителей я встречаю впервые. Летчики народ вроде суровый, а здесь грация и красота. Знаете, какой у нее позывной? — спросил у супружеской пары гость. Те молча ждали продолжения.

— Красная туфелька.

Родители переглянулись.

— Да вы угощайтесь, — подвинула Софи круасаны поближе к Юргену.

— Необычный, не правда ли? — отпил из чашки Шмидт.

— Я даже знаю, откуда это, — сказала хозяйка, посмотрев в сторону дочери.

— Мама, зачем? Кому это интересно? — махнула рукой в ее сторону Селина.

— Напротив. Продолжайте, пожалуйста, — хотел услышать эту историю Юрген.

— Когда мы жили в Триксиле, наша маленькая Селина дружила с дочерью лавочника, у которой были красные туфельки. Она очень хотела иметь такие. Знаете, как у детей бывает? Мы с отцом решили сделать ей такой подарок и приурочили его к Рождеству. У Селины было столько радости, когда она открыла коробку с подарком! Этот момент я запомнила на всю жизнь, — проследзила Софи.

— Я тоже, — тихо сказала летчица, опустив голову.

— Значит «красная туфелька» это мечта детства? Ну, ты и романтик! — улыбнулся Шмидт девушке.

— Суровая летчица с сердцем ребенка, у которой за плечами четыре сбитых вражеских самолета.

— Не делай из меня героиню. Мне очень далеко до тебя. На самом деле я обычная трусиха, — заявила Дюран, обращаясь к отцу.

— Совсем не трусиха. Разве могла бы трусиха выпрыгнуть из горящего самолета, не зная даже толком, что ждет ее на земле? — поддал жару Юрген.

— Селина, деточка! — мать, прикрыв рот рукой снова заплакала.

— Зачем ты так? — огорчилась девушка зыркнув в сторону товарища.

— Это правда? — слегка дрогнувшим голосом спросил отец.

— Папа, самолеты тоже сбивают. Думаешь Юрген, никогда не падал? Не берите близко к сердцу.

Софи бросилась к дочери и заключила ее в объятия.

— Может, останешься? Не станешь возвращаться? Я так боюсь за тебя!

— Как я могу остаться? Я ведь офицер и давала присягу, — ответила Селина, глядя руками мать по спине.

— Но ты у меня одна! Если тебя не станет, для кого нам жить с отцом?

— Успокойся, Софи! — хотел облагоразумить супругу Штефан.

— Это все ты! — неожиданно повернулась к нему жена.

— Ты позволил ей пойти в армию! Если бы не твой дружок из министерства пропаганды, то сидела она бы дома!

— Фрау Софи, еще неизвестно где безопасней, на фронте или в тылу. Я за своих близких переживаю не меньше. Эти ночные налеты на Берлин! Лучше погибнуть от пули в лицо, чем под обломками дома, от американской бомбы, — заступился за девушку обер-лейтенант.

— Нас тоже начали бомбить, — всхлипнула женщина.

— Вот видите! Сейчас нигде не безопасно, — посочувствовал немец.

— Простите меня Юрген, за минуту слабости. Не понимаю я такое государ-

ство, за которое воют двадцатилетние девчонки, — уже потише сказала Софи, вытирая платком слезы.

— Мама, это мой выбор, — была непреклонной Селина.

— Выбор девушек давать новую жизнь, а ты не только не даешь, но еще и отбираешь, — упрекнула дочку мать.

— Я хочу остановить тех, кто несет смерть в наши города.

— Правильно девочка! — поддержал ее отец.

— Хватит распускать слезы. Каково будет ей, когда она вернется к себе? Как ей лететь на задание с камнем на сердце? Мы должны поддержать ее, — более жестко заявил Штефан Дюран.

— Больше чем ты ее поддержал, никто не поддержит, — заключила мать Селины.

— Не надо ссориться! — попросила летчица.

— А твоя мать кое в чем права. Женщина действительно должна дарить жизнь. Беременных обязательно отстранят от полетов.

В комнате все притихли, недоуменно уставившись на обер-лейтенанта.

— Мама, я не беременна! — тотчас же заявила Селина.

— Поясните, что вы этим хотели сказать? — прокашлявшись, задал вопрос глава семейства.

— Я хотел просить руки вашей дочери, со всеми вытекающими из этого последствиями, — ошарашил присутствующих такой новостью летчик люфтваффе.

— Ты с ума сошел? — первой пришла в себя Селина.

— А меня ты спросил? — злилась девушка.

— Что за выходки?

— Я вполне серьезно, — не стал увиливать Шмидт.

— Не слушайте его! Обер-лейтенант шутит, — изменилась в лице Дюран.

— Такими вещами не шутят, — строго заметил Штефан.

— Поэтому я и спрашиваю вас, готовы ли вы выдать дочь за меня? — чуть ли не официально поинтересовался гость.

— Прекрати Юрген! — потребовала лейтенантша.

— Они тебя совсем не знают. Я кстати тоже.

— У нас еще будет время поближе познакомиться, — настаивал на своем немец.

— Мама, папа, нам пора! — схватила девушка офицера под руку и потащила к выходу.

— Мы должны сегодня же вернуться в Нетл-Драз, а впереди длинная дорога. Рада была вас увидеть.

— До свидания! — откланялся обер-лейтенант, увлекаемый девушкой из дома.

Родители в растерянности шли следом за ними. Дюран запрыгнула на переднее сидение «мерседеса — бенца» и нетерпеливо ждала, когда Шмидт сядет за руль. Мужчина махнул на прощание рукой пожилой паре.

— Господин Юрген, мы согласны! — неожиданно заявил отец.

— Поехали, уже! — торопила его баронесса. Машина затарахтела, выплеснула порцию сизого дыма из выхлопной трубы и сорвалась с места. Дождавшись, когда родители исчезнут из вида, Дюран набросилась на водителя.

— Ты, что себе позволяешь? Выставил меня как полную дуру! К чему весь

этот цирк? Они грешным делом подумали, что я беременна от тебя.

— Был бы только рад. Я люблю детей, — спокойно ответил Юрген.

— Ты, ты..., - она не знала, что и сказать.

— Кретин? — подсказал вариант мужчина.

— Хуже. Идиот!

— Называй меня, как хочешь, но твои родители не были против.

— А я? Ты у меня спрашивал? — психовала Селина.

— Я и спрашиваю, пойдешь за меня? — не отрывая взгляда от дороги, спросил Шмидт.

— Ну, ты..., - она вытерла пот, выступивший на лбу.

— А где ухаживания? Поцелуи? Жаркие признания? — уже более весело отнеслась девушка к этой комической ситуации.

— От поцелуев и жарких признаний не отказываюсь. Можем приступить хоть сейчас. Ухаживания по мере возможности, — игриво произнес мужчина.

— Смотри за дорогой, герой любовник! Ты всех женщин так добиваешься? Все он уже распланировал. Ухаживания в перерыве между полетами, поцелуи после ужина, а ребенка, когда делать будешь?

— Ты извини, что так спонтанно получилось, — с серьезной миной на лице начал разговор Юрген.

— Такой возможности увидеть твоих родителей в ближайшее время не предвиделось бы, а их мнение для меня важно.

— Хватит издеваться, — попросила Дюран.

— Никто над тобой не издевается. Я тебя действительно люблю.

— И когда ты это понял? — теперь она подтрунивала над спутником.

— Как только увидел тебя. Не скрою, в моей жизни были женщины, но ни с одной я не хотел связывать свою жизнь. Так мимолетное увлечение. С тобой все по-другому.

— Ты так говоришь, потому что фаталист и больше веришь в смерть, чем в жизнь. Я поняла тебя. У тебя принцип «все и сейчас», ведь так? Увидел смазливую девчонку и захотел ее, а что будет завтра, ведь не думал? Сделаешь мне ребеночка и бросишь? Ты ведь подневольный. Куда направят, туда и полетишь. А как же я? Люфтваффе за собой жен и детей не таскает. Мне как быть? Сидеть с родителями и показывать сыну пальцем в небо и говорить, что оттуда должен прилететь наш папка?

— Это хорошо, что ты заговорила о сыне, — улыбнулся Юрген.

— Иди ты, к черту, со своими шуточками. А если тебя убьют? — рассматривала и такой вариант Дюран.

— А тебя? — в свою очередь спросил мужчина.

— Могут и меня. Поэтому я и не кручу романов.

— Значит, нет? — сделал вывод обер-лейтенант.

— Я подумаю, — уклончиво ответила баронесса.

Шурша колесами, их мерседес мчался навстречу судьбе. Любовь никто не отменял, только вот война, вносила свои коррективы. До высадки англо-американских войск в Сицилии оставалось совсем мало времени, а от Сицилии до Сандалора, было рукой подать.

Своих симпатий к девушке Юрген больше не скрывал и старался при любой возможности оказать ей знаки внимания. Такие открытые ухаживания многим не нравились, в том числе и с немецкой стороны. Однажды, когда она

с механиком копалась у самолета, к ним подошел друг Шмидта Вальтер.

— Можно тебя на минутку, — отозвал он в сторону баронессу.

— Это конечно не мое дело, но хотелось бы тебя предупредить, — начал разговор Шульц.

— И о чем? — высоко подняла подбородок девица, ожидая услышать какую-нибудь гадость.

— Нам всем импонирует твоя открытость и храбрость, и все мы хотим тебе только добра, — начал разговор летчик.

— Кто это мы? — хотела уточнить Дюран.

— Немцы понятное дело. В тебе ведь тоже течет частица немецкой крови? — зашел издали фельдфебель.

— Да, я фольксдойче. Не чистокровная немка и что из этого?

— Сейчас мы не об этом. Мне бы не хотелось видеть еще одну несчастную девушку с разбитым сердцем.

— Вальтер, говорите прямо, — попросила она.

— Если прямо, то открою вам маленький секрет, у Юргена в Германии есть невеста. Они давно встречались и если бы не война, то стали супружеской парой. Барбара до сих пор пишет ему нежные письма, — открыл тайну фельдфебель.

— И зачем вы мне это говорите? Юрген ведь ваш друг? — не понимала Селина мотивов Шульца.

— Вот именно, что друг и я ему хочу только добра. Он морочит голову Барбаре. Вам и еще не одной девице. Пора на ком-то остановиться, — высказал свое мнение Вальтер.

— Вы считаете, что Барбара достойней, чем я? — зло спросила Дюран.

— Она берлинка, как и Юрген. Его родители одобрили этот выбор, если бы были живы. Мне будет жаль, если он просто использует вас. Нас в любое время могут перебросить в Германию и что тогда? Забрать вас он не сможет, и вы не сможете покинуть Сандамор.

В его словах была доля правды. А ведь о Барбаре, Шмидт ничего не говорил. Почему? Готовит запасной аэродром?

— Я поняла вас фельдфебель. Вы настоящий друг, который заботится не только о товарище, а еще и о чистоте нации.

— В первую очередь, я заботился о вас, — не оценил Шульц ее иронии.

— Я так и поняла. Извините, мы тут заняты, — не захотела она продолжать беседу.

Могут же люди, одним словом уничтожить все светлое в душе? А еще другом назывался!

Юрген после полетов поджидал ее возле казармы. Как обычно в его руке был букетик полевых цветов. Дюран порой даже задумывалась, кому больше нравятся полевые цветы, ей или Юргену? Он с улыбочкой на лице протянул букетик. Девушка не взяла его. В глазах мужчины промелькнуло удивление.

— Оставь их для Барбары! — холодно ответила Селина.

— Какой Барбары? — попытался состроить невинное личико офицер.

— Не делай из меня дуру. Для своей берлинской Барбары. Ты ведь собирался на ней жениться? Тогда зачем весь этот концерт с родителями? Мог ведь просто вскружить мне голову, как ты неоднократно делал с другими девицами и затащить в постель. Поигрался бы и бросил. Зачем было родителей сюда

впутывать? Или так слаще? — жестоко выговаривала она своему ухажеру.

Он опустил руку с цветами.

— Барбара это прошлое. Я же говорил, что у меня были женщины, но любил я тебя одну, — попытался оправдаться Шмидт.

— Поэтому и обещал Барбаре жениться? — не верила ему Дюран.

— Обещать, не значит жениться, — тихо ответил он.

— Я так и поняла, — сделала собственные выводы баронесса.

— Не хочу тебя больше видеть. Не приходи, — развернулась Дюран и пошла в казарму. Обер-лейтенант посмотрел на голубенькие цветочки и швырнул их в сторону. Твердой походкой Юрген направился на поиски своего друга. Только от него могла произойти утечка информации о Барбаре. По суровому выражению лица обер-лейтенанта, Вальтер сразу же понял, о ком пойдет речь.

— Зачем ты это сделал? — без всяких предисловий начал разговор Шмидт.

— Кто тебя просил?

— Юрген, я твой друг и должен был остановить это безумство. Ты свихнулся на девках. Одно дело шляться по борделям, а другое разводить шашни на службе. Ты стал привлекать к себе слишком много внимания, — спокойно ответил Шульц.

— С каких пор ты стал заботиться о моем моральном облике?

— Ты офицер люфтваффе и должен сохранять лицо. Кто эта девица? Полукровка! Барбара настоящая немка. Она родит тебе чистокровных немцев и станет образцовой женой. Твои дети не будут говорить по-французски и никто, не посмеет ткнуть в них пальцем из-за происхождения. На стороне можешь крутить романы с кем угодно, но когда дело доходит до бракосочетания, то стоит хорошенько подумать.

— Ты заговорил как доктор Гебельс. Не хочешь замерить череп моей подруги? Может она не вписывается в критерии немецкой расы? У нее отец из Восточной Пруссии. Она такая же немка, как и мы с тобой, — повысил голос на друга обер-лейтенант.

— Не скажи. Кто ее мать? — не соглашался Шульц.

— Какая тебе разница? Они сандалорцы, а Сандалор союзник Третьего Рейха.

— Майору Отто Шнайдеру тоже не нравится твой роман. Он не хотел бы, чтобы тобой занялись соответствующие органы. Ни к чему в эскадрилье разводить любовные романы с сандалорцами.

— Вон вы как переживаете? Когда эта сандалорка валит англичан и американцев в угоду Рейху, это всех устраивает, и никто не задается вопросом, а кто у нее родители? А когда она ответила взаимностью на чувства офицера люфтваффе, то сразу же вспомнили о морали и расовой принадлежности. Тебе не кажется Вальтер, что это двойные стандарты?

— Она воюет с англо-американцами не потому, что нежно любит Третий Рейх, а потому, что служит сандалорскому королю, а он наш союзник, — привел свой аргумент фельдфебель.

— Значит, теперь мне надо держать отчет, перед тобой и майором с кем я сплю и что говорю? — нервничал Шмидт.

— Насчет разговоров не мне тебя учить, а вот о своем моральном уровне стоит призадуматься, пока не поздно, — посоветовал Вальтер.

— А то, что? Напишешь клязу в гестапо? Пусть меня за моральное разложение отправят в окопы. Ты, тогда станешь сбивать «мустангов» или прикажешь майору сесть за штурвал?

У Шульца нервно дернулся глаз.

— Не перегибай палку. Никто на тебя доносить не собирается. Просто убавь обороты, чтобы поменьше о тебе говорили. Добряков у нас всегда хватало. Ты на хорошем счету у гера майора, и он не хочет терять такого летчика по глупости, — дал еще один совет фельдфебель.

— Значит для вас любовь — это глупость? Сбивать самолеты — противника-это долг, а любить женщину глупость! Я понял вас фельдфебель Шульц, — официально произнес Юрген.

— Я думаю, теперь наши взаимоотношения не будут выходить за рамки должностных инструкций, Хайль Гитлер! — отчеканил Шмидт. Вальтер щелкнул каблуками и выбросил вперед правую руку.

— Хайль Гитлер!

Глава 4

В начале июля 1943 года в Нетл-Драз прибыл после ранения Поль Морель. Эту новость она узнала от механиков. Дюран бросилась бегом в казарму. Парень стоял в тесном кругу однополчан, рассказывая историю своего счастливого спасения. Растолкав военных Селина, повисла на шее у своего близкого друга.

— Поль, ты вернулся!

— Я же обещал, — прижал ее к себе мужчина.

— И к этому на шею цепляется, немецкая подстилка! — кто-то едко заметил в толпе. Дюран обвела взглядом лица присутствующих, но не смогла определить, кто это сказал. Все улыбались, но ведь кто-то же сказал эту гадость?

— А как же комиссия? Они допустили тебя к полетам? — еще не совсем верила в такую удачу баронесса.

— Как видишь! Пришлось проститься с тростью и станцевать для членов комиссии, а то бы не поверили, — признался Морель.

— Примите меня обратно? — шутливо спросил он у авиаторов.

— Конечно, примем, еще и самолет дадим.

— Капитан мне тоже обещал свободный МВ.152 «Блох» предоставить. Я на таком в Африке летал.

— Теперь у нас полетаешь! — хлопали его по плечу товарищи.

— Я тут тебе подарок привез, — полез Поль в свой чемоданчик. Он достал оттуда шелковый платок сине-зелено-красного коьора, под цвет национального флага Сандадора.

— Какая красота! — повязала Дюран подарок себе на шею.

— Нравится? — был довольный произведенным эффектом Морель.

— Очень. Спасибо тебе! — поцеловала девушка пилота в щечку.

— Сучка! — снова она услышала сзади. На этот раз поворачиваться не стала. Пусть говорят.

В столовой Морель занял место за столиком баронессы. Юрген украдкой бросал вопросительные взгляды на шею возлюбленной, которую украшал подарок, теперь уже явного соперника. Таких подарков он сделать не успел, а стоило бы. Душевные переживания ушли на второй план после первого же массированного налета на аэродром Нетл-Драза. По ним отработали бомбардировщики коалиции, их истребители не давали взлететь самолётам Оси, чтобы отбить атаку. Земля вздрагивала от взрывов, хлестко «тявкали» зенитные орудия, стремясь отбить нападение. Все, кто успел, спрятались в убежищах боясь высунуть нос наружу. Когда стрельба стихла, со всех щелей повывлазили военные. Территория аэродрома была укрыта воронками различной глубины. На взлетной полосе догорало несколько истребителей. Летчики с техниками бросились осматривать уцелевшие машины. Пожарные тушили очаги возгорания, санитары выносили раненных, а другой обслуживающий персонал, используя бульдозер и лопаты засыпали воронки, которые могли помешать функционированию аэродрома. Как только обстановка более-менее прояснилась в небо взмыли «мессершмитты». Связистки из штаба по секрету шепнули, что англо-американские войска высадились в Сицилии. С этого момента начались их тревожные будни. Спать ложились не раздеваясь. Не успевала одна эскадрилья сесть, как следовал приказ на взлет второй. Бывало, не

успевали толком поест, как в небо взмывала красная ракета.

— От винта! — звучала команда. Рулежка и взлет. В небе стало жарко. Приходилось прикрывать «Хейнкели» и «Штуки», которые сбрасывали свой смертоносный груз на головы наступающих и при этом ввязываться в бои с перехватчиками Антигитлеровской коалиции. В другом случае, теперь уже группе истребителей из Нетл-Драза выпадала участь атаковать бомбовозы союзников. Возвращались не все. Техники не успевали латать дыры в фюзеляжах самолетов, полученные в воздушных схватках. Особо доставалось сандалорцам на их устаревших машинах. Народ начинал роптать.

— Еще пару дней таких боев и летать будет не кому и не на чем!

Капитан Лерц докладывал в столицу о потерях и просил прислать пополнение не только в виде «желторотых» выпускников летной школы, но и боевых машин. Пока командование только обещало, что-нибудь подкинуть из летного парка, итальянцев. Но кто хорошее отдаст? Если и пришлют, то наверняка Макки МС.200 «Молния» или Фиат G.50 «Стрела». Пока приходилось летать на «Девуатинах», «Моранах» и «Блохах».

Летчики обедали, когда заревела сирена, оповещающая о приближении противника. Все, бросив трапезу, ринулись к выходу. Она замешкалась и оказалась одной из последних, кто покинул столовую. Немецкие пилоты уже находились у самолетов, одевая парашюты, а дежурное звено взлетело накрытие взлетной полосы. Возле самолетов сандалорцев никого не было. Она остановилась и растерянно посмотрела по сторонам. Где же все? Из капонира выскочил Морель и потащил ее за руку к укрытию.

— Тебе, что жить надоело?

— Почему вы здесь? — удивилась Дюран, заметив рядом с собой сандалорских пилотов.

— А где им быть?

— Так налет же! Всем взлетать надо! — не поняла Селина сути вопроса.

— Кому надо, тот пусть и взлетает, — гадко хихикнул плотно сложенный летчик, родом из южного Сандалора. Судя по довольным возгласам, его тут поддерживали многие. Она увидела своего техника.

— Эндрю, помоги запустить самолет! — не то приказала, не то попросила баронесса.

— Не могу, господин лейтенант, — опустил мужчина голову.

— Героиня с обложки журнала желает помочь своим дружкам? Они и без нее справятся, — иронично заявил южанин. Селина напрягла память, пытаюсь вспомнить имя этого парня.

— Кажется Мишель Дюбуа, — вспомнила девушка. Так себе, летчик. Ничем выдающимся не отличался. Почему «серость» всегда диктует свои правила?

— Трусы вы все! — в порыве гнева сказала Дюран, собираясь вылезти за бруствер. Тут заработали зенитки, и сильная рука Поля осадила ее назад.

— Немецкая подстилка! — сплюнул ей под ноги Дюбуа.

— Ах, ты сволочь! — попыталась она раскрыть кобуру с пистолетом у себя на боку. Грохнула серия первых взрывов и все пригнули головы. Морель убрал ее руку от оружия.

— И ты вместе с ними? — обиженно спросила девушка.

— Не дури! Куда ты собралась? Тебя еще на взлете собьют. На своем «Девуатине» против «Спитфаеров»? Это настоящее самоубийство.

— А вы как я посмотрю, нашли достойный выход. За трусость знаете, что бывает? — с угрозой в голосе спросила Дюран.

— Если ты пикнешь особисту, то можешь до аэродрома и не долететь, — пригрозил ей Мишель.

— Таких как ты, крыс, я не боюсь! — не струсил баронесса.

— А зря! — он хотел, что-то добавить, но рядом так ухнуло, что даже сверху посыпалась земля. Всем стало не до разборок. Как только налет закончился, Дюран первая выбралась наружу.

— Эй, ты куда пошла? — испуганно закричали ей в след. За ней вдогонку бросился Морель.

— Селина, стой. Давай поговорим, — попросил он. Им в спину снова крикнули.

— Морель, если ты не успокоишь эту немецкую сучку, то ее успокоим мы.

— И как ты станешь успокаивать немецкую сучку? — остановилась Дюран.

— Не обращай внимание на дураков. Я знаю, что твой отец немец, но это ничего не значит. Они бешутся от того, что недолюбливают немцев.

— То, что мой отец немец, для меня многое значит. Я не стесняюсь своих родителей. Пусть они кого хотят, недолюбливают. Я сюда пришла добровольцем, чтобы защищать свою землю.

— От кого? — не слишком громко спросил парень.

— Кто на нее напал? Может мы сами ввязались в эту войну?

— Я тебя что-то не пойму? Ты, что за англичан? — растерялась Дюран, от такого простого вопроса.

— Я за Сандалор и хочу своей стране мира, — ответил Поль.

— А я чего хочу? Хочу, чтобы не бомбили мои города.

— И я того же хочу, — согласился с ней Морель.

— И как ты этого добиваешься? Спрятавшись в окопе? Твой довод очень подходит для англичан. Это довод побитой собаки, которая от страха поджала свой хвост. Ты думаешь, я боюсь «Спитфаеров»? Нет. Я готова вцепиться в глотку любому, кто прилетит бомбить мою страну. Пусть погибну в схватке, но не отступлю от своих принципов. Вы плохо относитесь к немцам? Они не идеальны, но одного у них не отнять, они не трусы.

— Мы тоже не трусы, — продолжил Морель, выслушав обвинение в свой адрес.

— Надо только знать, за что борешься.

— Я за Сандалор. Не знаю за кого вы, — презрительно сморщившись, сказала Дюран.

— Мы тоже за него, только не за такой как сейчас. Страну нужно менять.

— Пока вы что-то будете менять, у нас не останется городов, — заметила Селина.

— Перемены уже не за горами, — был уверен Поль.

— Ты пойдешь к особисту? — задал он вопрос.

— Я летчик, а не стукач! Ты этого еще не понял? Жаль! — поправила упавший на лоб локон волос Селина.

Больше говорить было не о чем. Фактически Селина осталась одна. С немцами у нее не сложилось из-за Юргена, а со своими из-за отношения сандалорцев к немцам. Еще неделю Королевским ВВС пришлось изрядно попотеть, совершая частые боевые вылеты. Затем пошло, что-то не так. Сначала из-за по-

ломок не смог взлететь один самолет, потом два и так по нарастающей. Капитан Лерц, ругал, на чем свет стоит своих механиков, но дело было не в них и это смекнули в особом отделе. К их начальнику особого отдела прикомандировали двух сотрудников, которые постоянно крутились среди механиков, роты охраны, вольнонаемных и самих летчиков. Подходили с расспросами и к Дюран. Мол, ничего крамольного не слыхала? Не подозреваешь ли кого в саботаже?

Что она могла им сказать? Ее самолет исправный и всегда вылетал на задание. Что с другими не знает. Но работа парней не прошла даром. Из Нетл-Драза приехал фургон, в котором в неизвестном направлении увезли пару человек, включая и Мореля. Вот только Мишель Дюбуа остался ни при чем, а Селина так хотелось, чтобы увезли и его. Этот гад затаился, демонстрируя начальству пример патриотизма. То, что в Сицилии не все гладко они знали не, сколько из новостей по радио, сколько убеждались в этом собственными глазами, прикрывая авиационные удары стран Оси. Итальянцы отступали, порой бросая хорошо укрепленные районы. Когда из города прилетел слух о смещении Бенито Муссолини, началось какое-то шатание. Военные стали собираться группами и о чем-то между собой шептаться. Приказы командования стали выполнять без особого рвения. А уж когда в Италии арестовали «Дуче» и заговорили о возможном перемирии с врагом и вовсе могли игнорировать требование Лерца. Особисты арестовали еще парочку смутьянов, но это в целом на обстановку не повлияло. Италия была совсем рядом, и многим сандалорцам также не хотелось продолжать эту войну. Когда третий Рейх оккупировал часть Италии, сандалорские летчики в знак солидарности с соседним государством, стали всем своим видом игнорировать немцев. Настороженные пилоты люфтваффе вошли в столовую, а там никого, за исключением Дюран. Селина, как обычно сидела за своим столиком с отрешенным видом допивала компот. Шмидт после их ссоры решился подойти к баронессе.

— А где все? — спросил Юрген. Девушка отодвинула от себя пустые тарелки и развела руками.

— Не знаю! Я теперь ничего не понимаю. Все на почве этого бардака в Италии, походили с ума. Кто теперь Сандалору больший враг не ясно, толи немцы, толи англичане?

— Ну, с этими все понятно, а ты- то чего здесь? — задал вопрос обер-лейтенант.

— Они тебе этого не простят, — переживал парень.

— Они и так мне не простят ни отца немца, ни друга офицера люфтваффе.

Селина назвала Юргена другом, и это вселяло надежду парню, что она его простила. Работники столовой хотели тоже проявить свою гражданскую позицию по отношению к подданным Рейха, но те не были настроены играть в демократию. Умели немцы убедить. Где простой зуботычиной, а где и пулей. Окно выдачи пищи сразу же заработало как швейцарские часы.

— Что будет дальше? — спокойно спросила Дюран.

— Если честно, то не знаю. Коалиция высадилась в Италии и, судя по всему кроме частей вермахта сопротивление им оказать, будет не кому. А, что слышно у вас в столице? — в свою очередь поинтересовался обер-лейтенант.

— Тишина. Из последней речи короля можно судить, что мы остаемся верны союзническим обязательствам, — не располагала Селина исчерпывающей

информацией.

— Поэтому и никуда не вылетаете? — насмешливо спросил офицер.

— А вы? — в свою очередь поинтересовалась баронесса.

— Последний раз дрались над Триксилом, — заявил Шмидт.

— Американцы шли на Францию, а мы их перехватили. Парочку В17 свалили, а остальные сбросили груз и наутек.

— Как сбросили? На город что ли? — встрепелась девушка.

— И городу досталось. Мы бы их может, и раньше остановили, но истребители помешали. Пока с теми разбирались, В17 проскочили. Ваша помощь тогда бы не помешала, — признался Юрген.

— Нам приказа не было, — расстроено ответила Селина. В голове крутилась только одна мысль — «Как там мои»?

— А где твой ухажер? Что-то давненько не видел? — осмелился спросить Юрген.

— Арестовали его, — призналась девушка.

— И за что?

— Обвиняют в саботаже,

Ей было немного стыдно об этом говорить. Друзья и саботажники? Действительно неловко. Шмидт понимающе покачал головой, но в его глазах Селина особого огорчения не увидела, если даже не наоборот. Они еще немного посидели, и девушка ушла. Возле штаба кипела бурная работа. Солдаты укладывали мешки с песком и устанавливали пулемет. Раньше все обходилось одним часовым. Селина посмотрела на эти странные приготовления и может быть прошла бы мимо, но ее задержал начальник особого отдела Патрик Робер.

— Можешь зайти?

— Опять допрос? — не была расположена баронесса к общению с разведчиком.

— Нет. Просто хотел поговорить.

— Они всегда хотят просто поговорить, а потом приезжает черный фургон и увозит собеседника, — подумала про себя Селина. Отказать по понятным причинам не смогла.

— Мне кажется, вы были друзьями с Морелем? — начал издавека Робер.

— Так и знала, что будет допрос, — вздохнула Дюран.

— Мы знакомы с летной школы. Ничего плохого сказать о Поле не могу. Он все схватывал на лету. Был одним из лучших курсантов.

— А, что-либо о своей личной жизни не рассказывал? Кем он был до того, как попасть в летную школу? — продолжал интересоваться особист.

— Учился в столице в институте. Там же проживали и его родители. Об этом он особо не распространялся, а я не спрашивала. Если человек, что-то хочет сказать, он говорит, а если нет, то зачем лезть в душу? В чем его обвиняют? — задала и Селина в свою очередь вопрос Роберу.

— Наш общий знакомый занимался пропагандой направленной на свержение монархического строя. К тому же он достаточно нелояльно относился и к нашим союзникам. Позволял себе озвучивать идеи о выходе из войны и о губительности гитлеровского режима для стран Европы.

— Ну, знаете, война никому не нравится, — философски произнесла Селина.

— Возможно, согласился с ней Патрик.

— Но, здесь все несколько иначе.

— Не пойму, где он мог заразиться такими идеями? Ничего подобного от него до того, как Поль отправился в Африку, я не слышала. Может там? — не понимала происходящего Селина.

— Возможно, и там имели место подобные разговоры, — согласился Робер.

— Но, у военной разведки есть и другие сведения. Ваш друг в свое время юнцом отправился воевать в Испанию за республиканцев, — поделился информацией Патрик.

— В Испанию? — была крайне удивлена Дюран.

— Вы уверены в этом?

— Он хорошо замел следы. Из Испании сбежал во Францию. Оттуда в Сандалор. Военная разведка не сумела проследить эти движения, но недавно к нам поступила информация от департамента полиции южной Франции, и все стало на свои места.

— Так он коммунист? — переспросила Селина.

— Возможно и такое, — не подтвердил и не опроверг такую версию разведчик.

— И что ему за это грозит? — хотела знать девушка.

— Не мне решать, но статьи тяжелые.

— А зачем вы мне это рассказываете? Думаете, что я сообщница?

— Как раз наоборот. К вам у меня претензий нет. Просто хотел предупредить, чтобы были осмотрительней при выборе друзей, — назидательно посоветовал особист. Селина ничего в ответ говорить не стала. Мужчина открыл ящик стола и вытащил конверт.

— Вот еще, что. Я тут в городе был и мне в штабе просили передать вам.

Он подвинул в ее сторону конверт.

— Что это? — замерла в ожидании Селина.

— Письмо.

Она взяла его со стола. Адрес отправителя Триксил. Да и почерк знакомый. Руку отца она прекрасно помнила.

— Теперь особый отдел будет следить за моей корреспонденцией? — с вызовом в голосе спросила Дюран.

— Нет, что вы! — добродушно улыбнулся Патрик Робер.

— Его никто не вскрывал. Да и не было в этом нужды. Вашу преданность королевской власти никто не берет под сомнение. Просто в стране царит такой бардак, что иногда приходится работать за почту, — попытался оправдаться Патрик.

— Вы тоже это заметили?

— Что? — переспросил собеседник.

— То, что происходит что-то не, то, — не конкретизировала ситуацию Селина.

— А в чем это выражается? — хитрил особист. Баронесса хмыкнула. Хочет поймать ее?

— Вот, например, в том, что мы перестали вылетать. Люфтваффе перехватывает англичан над нашими городами, а мы сидим в Нетл-Дразе словно прикованные. А эти солдаты с пулеметом у штаба?

— Так ведь война, — состроил наивное личико Робер.

— Она, что вчера началась? До этого пулемет никому не был необходим, а сейчас появился. Чего мы опасаемся? И письма вместо почтальона стал доставлять начальник особого отдела, это разве не странно? — привела несколько примеров Селина. Улыбка исчезла с лица собеседника.

— Ни с кем бы другим не поделился своими тревогами, но с вами могу.

То, что ее считают благонадежной это хорошо, но если с ней делится своими тревогами человек, отвечающий за состояние морального духа и соблюдение присяги и вытекающих отсюда обязанностей, то действительно в Сандалоре, что-то не так.

— После событий в Италии, вся страна словно замерла в предчувствии чего-то. Государственная машина стала работать со сбоями. Вы думаете, антивоенные настроения проявились только в нашей части? Даже в Нетл-Дразе открыто поговаривают о возможном перемирии и нейтралитете. Ни к чему хорошему это не приведет.

Селина посмотрела в глаза Роберу.

— Вы боитесь государственного переворота? Для этого вам понадобился пулемет?

— Я не знаю, чего мне бояться, но предчувствия неотвратимой беды меня не покидают. Плохо стал спать, — признался он.

— Я тоже. Могу быть свободна?

— О, да! — кивнул он головой.

— Спасибо за письмо! — попрощалась девушка. То, что Поль оказался коммунистом, и еще воевал в Испании, для нее было полной неожиданностью. Вот почему он ей намекал на скорые перемены. Неужели коммунисты готовят переворот? В голове проносились различные варианты возможных событий. Немцы не позволят мятежникам захватить власть. Это создаст плацдарм для высадки здесь войск коалиции. Знают ли в Рейхе о настроениях в Сандалоре? Скорее всего, знают. Об этом потом. Сначала весточка из дома. Сообщение отца было кратким, но трагическим. Софи Дюран погибла в результате налета американской авиации. Она поехала из имения в Триксил и попала под бомбежку. Не об этом ли прорыве «янки» рассказывал ей Юрген? По датам, похоже. Значит, пока она загорала в Нетл-Дразе, авиация коалиции бомбила ее родной город? Почему Лерц не поднял эскадрилью? Не было приказа? Значит, в штабе засели предатели, коль им наплевать на жителей Триксила. Она вошла в казарму, упала на кровать и, уткнувшись лицом в подушку зарыдала.

Вечером после долгого промежутка к ней в казарму пришел Шмидт. Сандалорцы злобно косились на офицера люфтваффе, словно стая собак на одинокого волка. Хорошо хоть кроме внешне выраженного недовольства, хватило ума не сотворить, чего ни будь более непоправимого. Юрген выслушал девушку и посочувствовал. У парня была подобная ситуация. Кто как не он, мог ее понять в трудную минуту. Несколько дней Селина просто без дела провалялась на кровати, тупо уставившись в потолок. И самое страшное, что за эти дни она никому не понадобилась. Офицеры пьянствовали или просто бездельничали. В пятницу радиоприемник, висевший в углу казармы, сообщил, что король Август второй низвергнут и власть переходит к Совету Национального Спасения во главе с премьер-министром. Эта новость внесла оживление в авиационную среду. Совет провозгласил курс на нейтралитет, пойдя по пути итальянцев. Премьер назначил нового министра обороны и начальника шта-

ба, призвав воинские части принять присягу на верность новому правительству. Радиоточка стала местом сбора всех неравнодушных сандалорцев. Здесь спорили, кричали и что-то доказывали друг другу. Горячие головы пошли поквитаться с начальством за прошлые обиды, и тут Селина впервые услышала, как заработал пулемет. Из разрозненных заявлений и высказываний, она попыталась сложить для себя картинку происходящего на базе. Выходило следующее. Капитан Лерц подтянул к себе роту охраны из числа малограмотных крестьян и посредством их, сохранял относительный порядок на аэродроме. У техников буза, у зенитчиков буза, но они все были разрознены и сами не знали, что следовало предпринять. Тут появился Жак Бернар, заместитель капитана Лерца и принялся уговаривать парней принять сторону премьер-министра. Доводы просты и понятны. Зачем Сандалору война? Что она ему принесет? Антигитлеровская коалиция достаточно сильна и уж, коль смогла высадиться в Италии, то и Сандалор не останется в стороне. А в качестве кого выгодней встретить оккупационные войска? Противника или нейтрала? Понятное дело, что нейтрала. Король слепо пошел на поводу Гитлера и привел страну к краху. Только свержение монархии и установление республиканской системы управления способно вывести их из кризиса. Говорил красиво, доступно. Селина даже понимала, для чего он это делает. Если сейчас Бернар переломит ситуацию в свою сторону, то столичным властям ничего не останется делать, как назначить его на место капитана. Жак собрал вокруг себя стайку горлопанов в виде таких персонажей как Мишель Дюбуа и ходил по всем подразделениям аэродрома со своей агитацией.

Один раз они даже пристали и к ней.

— А ты, Дюран за кого? — вызвали ее на беседу.

— Так я вроде присягу давала, — напомнила им девушка о воинском долге. Те переглянулись и засмеялись.

— Ты разве не слыхала, что король низвергнут?

— И где он сейчас? — продолжала задавать встречные вопросы Селина. Жак почесал затылок.

— Сбежал из столицы, но это разве главное? — не понимали, куда клонит Дюран.

— Выходит, что король не арестован и сам от власти не отрекался?

— И что из того? — ожидали мужчины следующего каверзного ответа.

— Получается, что это переворот? Если бы сам отрекся, то понятно, а так... Я ведь присягу давала.

— Мы ее все давали и что из того? — не понимали ее сандалорцы.

— Я наивная думала, что это один раз и навсегда.

— Послушайте, да она над нами издевается! — воскликнул Дюбуа.

— Я не услышала от Совета главное, что делать с немцами? — более серьезно спросила Селина.

— За своих беспокоишься? — иронизировал Мишель.

— Пусть выметаются из страны. Не захотят сами, мы им поможем! — резко заявил Дюбуа.

— А с англо-американцами что? Вы думаете можно в сторонке отстояться? Вот теперь мы нейтральные и не трогайте нас? Мы не Швейцария. Или поступим как итальянцы? Откроем границу для коалиции? Немцы нам это простят?

— Плевать на Гитлера! Нам этот союз не выгоден. Надо думать, о стране, — повысил голос Мишель.

— Значит союз с англо-американцами? С теми, кто убил мою мать? С теми, кто бомбил наши города? — зло выпалила Селина.

— А сколько городов уничтожили твои фашисты? Ты сама скольких матерей оставила без сыновей? — нашлось, что сказать и у зама Лерца.

— Сандалорцы ни чьи города не бомбили. Своих врагов я сбила в открытом бою.

— Да, что вы с этой немецкой сучкой говорите? Такие не перейдут на сторону народа. Их только уничтожать надо! — сделал вывод Мишель Дюбуа.

— Ставить к стенке и весь разговор!

— Да ладно, чего вы к ней прицепились? У нее недавно мать убило, — заступились за девушку парни из казармы.

— Ну, ничего, придёт наше время! — угрожающе процедил сквозь зубы ее идеологический противник.

Хорошего от этого разговора было мало. Рано или поздно с ней могут расправиться. Когда к ней пришел вестовой с приказом явиться к капитану, она с удовольствием покинула казарму, которая становилась похожей на революционный штаб. Не пустить Селину к командиру полка не посмели.

— Дело у меня к тебе будет, дорогуша, — как-то по-отечески сказал Лерц, хотя это на него похоже не было.

— Я слушаю вас, капитан, — официально ответила Дюран.

— Мне нужен переводчик. Наш сбежал, а больше обратиться не к кому.

— Что нужно перевести? — по-деловому спросила баронесса.

— Это не текст. Мне надо переговорить с майором Шнайдером. Ты мне можешь?

— Конечно, господин капитан, — отчеканила Селина.

Немцы с опаской приняли новости, пришедшие из столицы Сандалора. Берлин еще анализировал возможные последствия подобных действий, рассматривая различные варианты развития событий. Личный состав группы люфтваффе заранее позаботился об укреплении своего места дислокации дополнительными огневыми точками. Союзники союзниками, но безопасность превыше всего. Сандалорцы бойкотировали обслуживание немецких самолетов, поэтому майору Шнайдеру и эту заботу пришлось брать в свои руки. На заправщиков он посадил свою команду, склады с боеприпасами взял под охрану. Чтобы контролировать весь аэродром не хватало личного состава. Да и что толку, если в округе немецких частей почти не было.

Когда к Отто Шнайдеру, прибыл посыльный от капитана Лерца, с приглашением встретиться, он воспринял это как хитроумную ловушку, но не пойти на встречу не мог. Взяв с собой хорошо вооруженных парней, он отправился к штабу сандалорцев. Капитан вышел к нему на встречу не один, а в сопровождении девушки фольксдойче. Всем своим видом Лерц показывал, что играет в открытую и не устраивает никакой западни.

Солдаты Сандалора миролюбиво болтали между собой, разместившись возле обустроенной мешками с песком огневой точке, с интересом поглядывая на делегацию немцев. Капитан, широко улыбаясь, приблизился к группе союзников.

— Спасибо, что пришли, — поблагодарил командир Королевских ВВС, через

своего переводчика.

— Как я мог не прийти? — изобразил на лице маску радушия Шнайдер.

— Бросьте майор. На вашем месте я бы несколько раз подумал, прежде чем на это решиться. Сейчас никому доверять нельзя. Даже мой заместитель и тот под меня копает.

— У вас большие перемены, вот каждый и ищет своего места под солнцем, — поделился своим восприятием происходящего майор люфтваффе.

— Я называю это одним веским словом, переворот. Высокопоставленные ублюдки трусили и решили поиграться в революцию, — презрительно произнес капитан. Военный из Германии пристально посмотрел на беспристрастное лицо переводчицы. Ни каких эмоций.

— Ей бы не в авиации служить, а где-нибудь в Рейх канцелярии, — подумал про себя командир группы.

— Вы не поддерживаете своего премьер-министра? — хотел уточнить немец.

— Я присягал на верность королю и присягу не менял, — ответил капитан.

— Но, король бежал и, по-моему, находится в Триксиле, под защитой вермахта, — поделился информацией Шнайдер.

— Но, все же в стране, а не где-нибудь в изгнании, — остался доволен Лерц, полученной информацией.

— Значит, вы верны присяге? А как ваши подчиненные?

— С этим похуже. Здесь полный разброд и шатание. Благо меня поддержали сержанты роты охраны, и мы не скатились к полной анархии, — заявил капитан.

— Этот пулемет у штаба как аргумент воздействия на горячие головы? — кивнул Шнайдер на пулеметное гнездо.

— Да, но думаю это ненадолго. Ко мне уже приходила делегация и требовала, чтобы я подчинился Совету Национального Спасения.

— Что вы хотите от меня? Чтобы я вас поддержал? — хотел немец знать причину, по которой его сюда вызвали.

— Это было бы не плохо, но тоже не решает всех проблем.

— Не понимаю вас капитан? — недоумевал Шнайдер.

— У вас не хватит сил удержать аэродром. СНС обязательно пришлет подкрепление, — горько усмехнулся Лерц.

— То есть вы хотите сказать, что новые власти перешли на сторону коалиции? — задал вопрос немецкий офицер.

— Если еще не перешли, то обязательно это сделают. Мы теперь не союзники. Пришла шифровка из столицы блокировать все части вермахта и разоружить их. В случае сопротивления уничтожить, — донес до собеседника сандалорец требование Генерального штаба. Вот здесь на лице девицы появилась нечто подобное тревоги.

— Вы хотите предъявить нам ультиматум? — догадался представитель люфтваффе.

— Я не подчиняюсь мятежникам, — поникшим голосом сказал Лерц.

— Вам следует в кратчайший срок покинуть базу. Это не ультиматум, а просьба. Мы столько сражались бок о бок, и я просто не могу взять и предать. Об этой шифровке знает ограниченный круг лиц и пока не узнало больше, у вас есть время. Здесь они уже создают, что-то подобное комитету и могут вам

помешать. Я не знаю, как обстоят дела в Нетл-Дразе, но в Триксиле стоят части вермахта и это ваше спасение.

Шнайдер на миг задумался.

— Тогда может вместе с нами? — сделал предложение офицер люфтваффе.

— Мои подчиненные верны королю, но не совсем хорошо относятся к немцам. Они не поймут меня, — с сожалением ответил капитан.

— Спасибо, Лерц, вы настоящий офицер, — поблагодарил собеседника приглашенный на переговоры представитель люфтваффе.

— Баронесса, вы со мной? Ваши корни могут сыграть злую шутку. Теперь я так понимаю немцем быть не безопасно? — теперь уже обратился майор непосредственно к переводчице.

— Я военнотружущая Сандадора.

— Какое это имеет значение? Здесь произошел государственный переворот, и ваша преданность присяге уже никого не интересует. Решайтесь! — настаивал Шнайдер.

— Что он говорит? — повернулся в ее сторону Лерц.

— С собой зовет, — ответила Дюран.

— А ты, что?

— Не знаю, — пожала она плечами.

— А, что тут знать? Уходи, — неожиданно поддержал ее капитан.

— Можно я вещи соберу и тогда уйду?

— Как знаешь, — не настаивал Лерц. Теперь Дюран обратилась к немцу.

— Господин майор, я соберу вещи и присоединюсь к вам, — обещала она. Шнайдер кивнул головой и, повернувшись, быстро стал удаляться в сопровождении группы прикрытия.

— Господин капитан, что же дальше будет? Немцы теперь нам враги? — сменила баронесса следом за командиром.

— Выходит, что так. Политика! Мать ее пере мать! — выругался Лерц.

— Теперь Сандадор переметнется к американцам и англичанам? Мы же с ними воевали. А король? — сыпала вопросами Дюран.

— А как же вы? Почему не присягаете новой власти?

— Послушай «Красная туфелька», я присяге не изменял и король наш жив здоров, — впервые командир полностью назвал ее позывной.

— Выходит, что вы выступаете против Совета Национального Спасения? — уточняла Дюран.

— А ты думаешь, почему я немцев предупредил?

— Но почему с ними не хотите уйти?

— Это моя земля. Да может их еще прикрывать придется. Жак Бернар народ баламутит, что может дойти еще и до столкновений, — особо не хотел разговаривать командир полка. Они дошли до штаба. Здесь их встретил начальник особого отдела.

— Переговорили? — задал вопрос особист.

— Да, — устало бросил Лерц.

— Нам и самим отсюда уходить надо. Шнайдер сказал, что Август второй в Триксиле, под защитой частей вермахта, — поделился информацией капитан. Патрик расцвел в улыбке.

— Значит не все потеряно. Немцы короля не бросят, да и побережье им оголять нельзя. Я думаю, они введут войска в Сандадор, как это было в Италии.

Верные части еще понадобятся королю. Надо прорываться в Триксил, — размышлял вслух Патрик.

— Шнайдер мне это предлагал, — вспомнил Лерц.

— И что вы? — хотел знать его решение Робер.

— Капитан отказался, — вместо него ответила Дюран.

— Что? Это наш шанс! Остаться нельзя, — возбудился Патрик. Командир полка посмотрел на молодого энергичного особиста. А может он и прав?

— Робер, готовьте грузовики, попытаемся пристроиться к колонне немцев, — отдал он приказ, поверив в харизму молодого офицера. Дюран повернулась в сторону офицерской казармы, откуда пришла.

— А ты куда? — остановил ее особист.

— Вещи собирать, — растерянно ответила она.

— Какие вещи? Там заговорщики. Моли бога, что тебе удалось уйти.

— Но, там письма, фотографии, — развела она руками.

— Забудь. Тебя обязательно начнут спрашивать, зачем тебя вызывали в штаб. Ты хочешь сорвать всю операцию? — строго спросил Патрик.

— Я что ни будь, придумаю, совру, — молчала языком баронесса.

— Мы так рисковать не станем. Кто у них главный? — задал вопрос особист. Дюран виновато опустила голову.

— Что молчишь? Не знаешь или не хочешь говорить? Это тебе не пансионат благородных девиц! — прикрикнул на нее мужчина.

— Жак Бернар, заместитель капитана и Мишель Дюбуа из пилотов, — опустив голову, промямлила Селина.

— Я же тебе говорил, что Жак вместе с ними, — заметил Лерц.

— Это плохо. Бернар опытный офицер и от него можно ожидать чего угодно. Оружие у них есть?

— Я видела солдат с винтовками, — доложила девушка.

— Это плохо. Господин капитан, я за машинами, а вы готовьте людей к эвакуации, — распределил обязанности особист. На аэродроме загудели моторы, и в небо взлетела зеленая ракета. По взлетной полосе промчался мессершмитт и взмыл в небо. Следом второй, третий... Селина задрала голову, смотрела, как взлетают самолеты. Очередной истребитель вырулил на рулежку и тут в его сторону полетели снаряды 25 миллиметровой зенитной пушки Гочкисс, предназначенной для отражения атак вражеской авиации.

— Зенитчики бьют! — вскрикнули солдаты из роты охраны и спрятались за мешки с песком. «Мессершмитт» с такого расстояния порвало просто на куски, оставив на бетонке горящий остов. Зенитчики перенесли огонь на следующий, сотворив из него факел. Немцы ответили беспорядочной ружейной стрельбой в сторону позиций зенитчиков. Из офицерской казармы защелкали винтовочные выстрелы в сторону позиции фашистов. Лерц приказал полоснуть из пулемета по окнам казармы, в которой засели бунтовщики. И тут поехало, понеслось. Пули защелкали по стенам штаба. Дюран заскочила в здание и присела на пол. Противоборствующие стороны поливали друг друга огнем пока взлетевшие «Мессершмитты» не отработали по позициям зенитчиков. На какое-то время все стихло. Оставшиеся невредимыми самолеты люфтваффе взмывали в небо, минуя на взлетной полосе горящих товарищей.

— Уходят! — загалдели солдаты, заметив, как на предельной скорости стали покидать аэродром грузовики с немецкими вояками. От склада ГСМ в сто-

рону штаба приближалось два «Ситроена Т45».

— Наконец-то! — обрадовался капитан. В тот момент, когда первые солдаты королевской армии Сандалора забрались в кузов, снова заработал 25-миллиметровый Гочкисс, но теперь уже в их сторону. Селина, не успевшая выйти из штаба, упала на пол. Ей на голову посыпалась штукатурка, потом что-то грохнуло, и она потеряла сознание. Очнулась от того, что кто-то лил ей на лицо воду. Она мотнула головой и утерлась пятерней. Сквозь выбитую оконную раму дул свежий ветерок. Во дворе горело два грузовика, возле которых лежали тела убитых. Где-то не очень далеко шла перестрелка. Голова просто раскалывалась от боли. Девушка дотронулась до того места, которое беспокоило ее больше всего. На пальцах кровь.

— Как ты? — присел возле нее Робер. Дюран сморщилась от боли.

— Нормально, — прошептала она.

— Где это? — осипшим голосом спросила девушка, имея в виду перестрелку.

— Скорее всего, колонна Шнайдера, попала в засаду.

— Идут! — закричал неизвестный солдатик, пробежавший по коридору.

— Кто идет? — погладила Дюран свою разбитую голову. Патрик передернул затвор винтовки.

— Долго ты в отключке была. Подмога к нашим заговорщикам из Нетл-Драза прибыла. Вторую атаку отбиваем. Пуля, свистнув у них поверх голов, выбила щербинку в стене. В выбитую дверь заглянул капитан с револьвером в руке. У него под ногами скрипело битое стекло.

— Ты жива? — приятно удивился Лерц.

— Капитан, что с ней делать будем? — опередил Патрик, девушку, своим вопросом.

— Жалко ведь, убьют, если с нами найдут.

— Закрой ее в свою камеру. Пусть думают, что ты ее арестовал по делу Поля Мореля. Ты слышишь девочка? По делу Поля Мореля, — повторил Лерц.

— А вы? — не до конца понимала сложившуюся ситуацию баронесса. Мужчины переглянулись.

— Мы сделали свой выбор. Пистолетик свой оставь, он мне еще пригодится. Судя по всему, это последняя атака, на больше нам патронов не хватит. Прощай, девочка! — не весело сказал Лерц.

— Господин, капитан! — пискнула Селина.

— Не надо слов. Робер, забирайте ее быстрее.

Особист закрыл ее в одиночную камеру, которая странным образом осталась невредимой. Баронесса услышала беспорядочную стрельбу, взрыв гранаты, а затем одиночные пистолетные хлопки. Затем наступила тишина. Звенящая, зловеющая. Ей на смену пришли голоса людей и шарканье ног. Она была так напугана, что даже не знала, что делать, звать людей или молчать? Кого-то с той стороны привлек замок на двери и после некоторой возни двери открылись.

— Я же говорил, что тут кто-то есть! Смотри баба! — раздался удивленный голос.

— Какая она тебе баба? Форму видишь летную? — услышала она и второй голос, принадлежащий пожилому военному.

— Разве бабы летчиками бывают? — недоумевал первый.

— Бывают, не бывают. Тащи ее к командирам. Пусть сами разбираются.

Селину вытолкали из развалин штаба. На плацу под охраной солдат, с трехцветными повязками на руках под цвета флага Сандалора, стояла группа военных. Некоторые из них были ранены. Одного взгляда баронессе хватило, чтобы заметить среди них командира полка, с закопченным сажей лицом и оторванным погоном. Он стоял рядом с Робером, который бледный как стена держался рукой за свой бок. Между пальцев особиста сочилась кровь. Солдаты немного растерялись, куда ее девать? Вроде как баба, не враг же?

Чтобы не принимать самостоятельного решения обратились к начальству.

— Господин аджудан, — окликнули они проходящего мимо подофицера.

— Что нам с ней делать? Нашли в штабе запертой в камере.

— Ты кто такая? — достаточно резко спросил подофицер.

— Лейтенант Селина Дюран, пилот Королевских ВВС, — представилась она.

— А, что в камере делала?

— Арестована по подозрению за связь с заговорщиками, — отчеканила девушка.

— Хм. Это с нами, что ли? Тогда свободна. Теперь мы не заговорщики, а власть, — даровал он ей свободу. Не гнущимися ногами Селина поспешила покинуть территорию, пока ее никто не узнал. На ходу вытащила из кармана платок, подарок Поля и повязала его на шею. Он тоже трехцветный. Может, пройдет за свою?

— Селина Дюран, дочь немецкого барона? — раздался за спиной знакомый голос.

— Куда же вы так спешите?

Летчица встала как вкопанная. Медленно повернулась. Перед ней стоял Мишель Дюбуа.

— А мы- то голову ломали, зачем вас капитан вызвал? Хотели вместе удрать? А почему же вас не взяли с собой дорогие соотечественники? — язвил пилот.

— Вы ошибаетесь Дюбуа. Меня вызвали в особый отдел по делу Поля Мореля.

— Причем здесь ты и чего они хотели? — прищурил глазки Мишель.

— Я его подруга. По делу Поля открылись новые подробности, и Робер захотел меня лично допросить, — врала Дюран в надежде обмануть врага.

— Какие еще подробности? Что ты врешь? — не верил ей мужчина.

— Оказалось, что Морель воевал за республиканцев в Испании и был коммунистом, — выдала она информацию по Морелю.

— Ого! — удивился Мишель.

— А сейчас мы спросим и у самого Робера.

Здоровяк схватил баронессу за плечо и потащил к строю.

— И что нам скажет начальник особого отдела по этому поводу? — потребовал ответа повстанец.

— Она говорит правду, — еле шевеля губами, прошептал Патрик.

— Врешь ты все, гнида! Хочешь выгородить ее?

Повстанец ударил раненного офицера кулаком. Особист упал на землю.

— Я же тебе говорил, что расплата придет? Пошла вон в строй! И сними этот платок, ты не достойна, носить цвета нашего флага, — сорвал он с ее шеи подарок Мореля. Пленные подняли раненного товарища.

— И ты доигрался капитан! Заигрываешь с врагом? Немцам сапоги лижешь? Все кончено! Ждет вас канава. Лично буду участвовать в расстреле, — обещал Мишель. От казарм в сторону штаба, шла группа военных, и во главе ее двигался Поль Морель в новенькой форме и Жак Бернар. Пленные, те, кто знал Мореля, удивленно повернули головы в их сторону.

— Что у вас тут? — тоном начальника спросил Поль. Его глаза округлились, когда он заметил среди арестованных и Дюран.

— Это те, кто отказался подчиняться Совету Национального Спасения, и оказали сопротивление. По попустительству капитана Лерца, немцы угнали свои самолеты, но, слава богу, не сумели удрать сами, — доложил Мишель.

— Я знаю, Дюбуа. Мы их сами встретили. Что среди них делает Селина Дюран? — задал вопрос Поль. Все прекрасно знали, что мужчина был не равнодушен к девушке.

Жак вопросительно зыркнул на подчиненного.

— Она была вместе с ними и пыталась скрыться, — пояснил Дюбуа.

Поль поднял платок и протянул его баронессе. Та ничего не говорила, только смотрела на вернувшегося живым пилота.

— Так почему не скрылась? — хотел узнать ее знакомый.

— А я и не пыталась, — с вызовом в голосе ответила Селина.

— Меня арестовал начальник особого отдела за связь с республиканцем Полем Морелем, — высоко задрал подбородок, отчеканила она.

— Почему же он раньше этого не сделал? — хмыкнул Бернар, стоящий за спиной Поля.

— Спросите у него сами, — кивнула она в сторону раненного.

— Что скажете? Я вижу вы не особо рады нашей встрече? — вопрос относился к офицеру особого отдела.

Морель вел себя так, будто бы и действительно был начальником. Когда он только успел выбиться в командиры? Особист отхаркнул кровавую слюну.

— Когда узнал за твое испанское прошлое, решил с девчонкой поговорить по душам, а тут вся эта катавасия. Пришлось ее прикрыть, а беседу перенести на потом, — не стал топить летчицу Патрик.

— Выгораживает. Врет он все. Эта немецкая сучка не хотела принимать Совет. Она еще издевалась над нами. Кончать ее надо! — резюмировал Мишель.

— Это она сдала тебя и наших ребят, — придумал для солидности Дюбуа.

— Врешь! — не выдержала Селина. Поль почему-то не спешил оправдывать подругу.

— А мы сейчас у начальника особого отдела спросим. Теперь, по-моему, хранить тайну не имеет никакого смысла. Твоя судьба все равно предрешена. Освободи душу, — предложил Морель.

— Ты, что мой духовник? Может тебе еще исповедаться? Мой ответ тебе может не понравиться, — с ненавистью посмотрел в его сторону Робер.

— А ты скажи, а мы посмотрим, — принуждал его к разговору Поль.

— Твой дружок, Дюбуа и сдал всех!

После этих слов все притихли. Селина вопросительно посмотрела на товарища, по несчастью. На самом деле Робер решил таким образом отомстить рьяному заговорщику. У самого Мишеля от неожиданности отвисла нижняя челюсть.

— Ты, что выдумываешь? — замахнулся на него крепыш.

— А ты думаешь, почему всех арестовали, а твоего дружка оставили? — зло прищурился Патрик.

— Точно. Об этом Робер и мне говорил, когда спрашивал о тебе, — решила подыграть особисту Селина. Если помирать, так и этого гада можно потащить за собой.

— Да вы что? Жак, скажи ему, что я тут ни при чем, — взмолился Мишель, покраснев от волнения.

— А, что ты так засуетился? — сквозь зубы спросил Морель, окинув злым взглядом Дюбуа.

— Они это специально. Я к твоему аресту никакого отношения не имею. Это все баронесса. Она и немцам прислуживала и тебя предала. Если бы я тебя предал, то стал бы жизнью рисковать за Совет? Мы тут настоящий бой приняли. От немцев отбились и этих предателей с вашей помощью осилили. Мы с Жаком Бернаром, можно сказать свой полковой совет национального спасения организовали, — хвалился достижениями Мишель.

— Свой совет говоришь? — переспросил Морель.

— Ну, да. Мы оба, так сказать.

— А какого черта дали немцам уйти?

— Так кто знал, что их задерживать надо? — оправдывался летчик.

— Штаб, то не наш был. Это капитан дал им уйти, быстро переложил Мишель ответственность на чужие плечи.

— Из столицы по этому поводу была депеша, — напомнил Морель.

— Так, откуда нам знать? — пожал плечами Дюбуа.

— Твоих рук дело? — подошел вплотную к Лерцу важный гость из Нетл-Драза.

Капитан в ответ лишь улыбнулся.

— Ты сам выбрал свою судьбу, — с угрозой в голосе произнес Морель.

— Я ее выбрал еще тогда, когда принимал присягу.

— Ты ее принимал на верность королю, а мы в отличие от тебя присягаем народу, — назвал разницу собеседник.

— Посмотрите, как народ отблагодарит вас за это, — презрительно высказался Лерц.

— Все, кто желает присягнуть новому правительству, пусть сделают шаг в сторону. Я даю вам еще один шанс, последний, — предложил новый командир.

На такое предложение откликнулось несколько солдат. Селина стояла в раздумье. Она никогда бы в жизни не могла подумать, что погибнет не в бою с врагом, а от рук своих же товарищей. Командир полка, заметив такой настрой летчицы, просто подтолкнул ее в спину.

— Живи! — шепнул капитан. Дюран оглянулась на оставшихся в строю мужчин и хотела вновь присоединиться к ним, ведь присягать СНС она не собиралась, когда Поль, рывком отбросил ее в сторону.

— Как же так? Она же враг? — не смог промолчать Дюбуа.

— Тебе не хватает нашей крови? — презрительно бросил капитан.

— Хочешь с женщинами повоевать? Лучше бы в небе так англичан сбивал, чем баб расстреливал.

— Она не баба! Она враг! — визжал Мишель. Морель с ненавистью посмотрел в сторону крепыша. Затем он повернулся к бывшему заместителю Лерца и

сказал: «- Властью наделенной мне городским советом национального спасения, назначаю вас комендантом аэродрома до дальнейших распоряжений из Центрального Совета».

— Почему Бернара? Мы вместе организовывали оборону? — расстроился Мишель.

— И с каких пор ты стал принимать такие решения? Да, привел помощь из Нетл-Драза, но это не значит, что ты стал большим начальником. В городском штабе знают, что ты коммунист? — выплеснул подобным образом свою обиду Дюбуа.

— С чего ты взял, что я коммунист? — строго спросил Морель.

— Они сказали, — он махнул рукой в сторону особиста и Селины.

— С коммунистами нам не по пути. Ты ведь воевал в Испании? На чьей стороне? — хотел на себя взять роль дознавателя обиженный летчик.

— На стороне республиканцев, — спокойно ответил Морель.

— Там были разные люди. Анархисты, коммунисты, эсеры и просто честные люди. Они ошиблись, назвав меня коммунистом. Жак Бернар, тоже считает не легитимным городской совет? — хитро закрутил свой вопрос представитель совета из столицы.

— Нет. Я готов занять эту должность, — быстро ответил Бернар, держа нос по ветру.

— Они не могли ошибиться, — уперся Мишель.

— Получается, что ты веришь этим людям? — переспросил Поль.

— Да, верю. Мне кажется странным, что тебя так быстро освободили и сделали таким начальником. Значит за тобой кто-то стоял.

— Мне просто поверили. А знаешь почему? — стал расстегивать свой китель командир из Нетл-Драза. Когда он его распахнул, все увидели окровавленные бинты на теле летчика.

— Потому что из-за таких как ты, предателей, меня пытали и возможно я бы и не дожил до народной победы, но мне повезло, — такие слова звучали как обвинения.

— Но я тут ни при чем! — снова стал доказывать свою правоту Дюбуа.

— Это он тебя сдал, — повторил свои показания Патрик Робер, чтобы окончательно утопить гаденыша.

— Если ты веришь этим людям, то почему я не могу сделать то же самое? — зловеще прищурился глазки, спросил офицер.

— Арестовать его! — приказал он своим солдатам. Те моментально скрутили Мишеля, обезоружив его.

— Что вы делаете? Я же свой! — заорал крепыш.

— Комендант, что следует сделать с теми, кто с оружием в руках выступил против власти, и является тайным пособником спецслужб?

В качестве пособника подразумевался понятное дело Дюбуа. Жак секунду подумав твердо ответил: «- Расстрелять!»

— Это не законно! Я требую, чтобы меня доставили в Нетл-Драз! — визжал Дюбуа.

— Бернар, вы считаете тоже, что я не наделен такими полномочиями? Если вас, что-то не устраивает, то найдется и другой претендент на роль коменданта. Сотрудничество с новой властью открывает большие перспективы. Но если есть сомнения, то доставьте своего товарища в штаб СНС и оставайтесь в

городе. Может быть, там и найдется какая-нибудь должность для вас, — провоцировал Морель Жака на принятие решения.

— Дюбуа, мне не товарищ. Он предатель, — определился со своей позицией офицер.

— Жак, что ты говоришь? Мы же с тобой...

— Хватит визжать, Дюбуа, будьте мужчиной. Берите пример с капитана, — презрительно произнес Морель. Крепыша толкнули в общий строй.

— Командуйте комендант! Это ваше первое задание. Очистите аэродром от врагов и приступайте к его восстановлению. Он республике еще понадобится.

— Нет! Не делайте этого! Кого вы слушаете? Он коммунист! Я здесь ни при чем! Это месть за девку! — орал Дюбуа, пока не получил прикладом в голову.

— Направо! Шагом марш! — скомандовал Бернар, полный решимости привести приговор в исполнение.

Селина стояла, пребывая в полной прострации. Благодаря усилиям Мореля она избежала расстрела, а ее лютый враг, наоборот занял место в шеренге приговоренных. Пока расстрельная процессия двигалась к краю аэродрома, мужчина схватил за руку баронессу и потащил за собой.

— Куда мы идем? — не понимала она.

— Тебе надо уехать отсюда и как можно быстрее. У тебя есть, что необходимо забрать с собой? — на ходу интересовался Морель.

— Мои вещи остались в казарме, в тумбочке.

— Хорошо, я их заберу. Подождешь меня в машине. Только никуда из нее не выходи. Понятно? — инструктировал ее Поль.

— Да, — кивнула головой девушка. Оставив баронессу в своем автомобиле, пилот вернулся в офицерскую казарму. Уже подходя к зданию сандалорец понял, что вряд ли он там, что-нибудь найдет. Все стены были в выбоинах от пуль. Стекол практически не осталось. Внутри все перевернуто. Посреди казармы две большие лужи крови, а на кроватях застыв в неестественных позах, лежало три трупа. Что-либо искать здесь было бесполезно. Пришлось возвращаться ни с чем.

— Не нашел? — поинтересовалась девушка, когда он захлопнул за собой дверцу авто.

— Не нашел, — подтвердил Поль. Машина завелась и водитель, уверенно вращая руль начал выводить ее на дорогу, минуя тела убитых, лежащих на земле и разбитую технику.

— И куда мы направляемся? — задала Дюран очередной вопрос.

— В Нетл-Драз. Оттуда с колонных беженцев я тебя отправлю в Триксил, к родителям, — раскрыл он свои планы.

— К отцу, — поправила его Селина.

— Мама погибла под бомбежкой.

— Извини, не знал, — посочувствовал мужчина.

— Ничего. Сейчас у каждого горе. Почему, Поль? — продолжала разговор девушка.

— Что почему? — не понял вопроса Морель.

— Почему ты мне помогаешь? Ты думаешь, я присягну СНС? — смотрела ему в затылок летчица, сидя на заднем сидении автомобиля.

— Не присягнешь. Я это понял, когда ты хотела шагнуть обратно в строй, —

признался парень.

— Разве было не страшно?

— Страшно, — согласилась она.

— Но с ними спокойней даже умирать. Они настоящие храбрецы, не придавшие своих идеалов.

— А, что ты знаешь о моих идеалах? — посмотрел водитель в зеркальце, чтобы увидеть глаза собеседницы.

— Ничего, — дернула плечиком Селина.

— Ты коммунист? — захотела она узнать правду из первых уст.

— С чего ты это взяла? — не понимал парень, почему его все время причисляли к левому движению.

— Но, ты же воевал в Испании на стороне республиканцев?

— И что с того? Не все республиканцы коммунисты, хотя их идеалы мне понятны. Я тогда был слишком молод, но Франко с его друзьями из числа итальянских фашистов и германских национал социалистов не нравились мне, и тогда, — решил быть честным парень.

— Как же ты с такими убеждениями воевал на стороне Оси? Почему не сдался в плен? — хотела знать Дюран.

— Не смог, — не знал, что и ответить парень.

— А сейчас зачем рискуешь? Ради чего? — не понимала спутница.

— Не ради чего, а ради кого! Ты мне очень нравишься. Говорить сейчас о любви, наверное, бесполезно? Ты была в шаге от расстрела и высокопарные слова, это не то, что сейчас хочется услышать. Я ничего от тебя не прошу. Сам понимаю, каково тебе сейчас. Ты веришь в одно, я в другое. Плюс этот немецкий летчик. Шансов у меня маловато, но не отказываться же? Молчи. Просто слушай. Одежду мы тебе купим в городе. В форме находиться опасно. Документы какие-нибудь есть?

Она мотнула головой, но потом, подумав, вытащила из кармана офицерскую книжку и протянула ее Полю.

— Это не пойдет, — забраковал парень этот вариант.

— Лучше быть вообще без документов, чем с такими.

Морель выбросил офицерскую книжку в окно.

— Если спросят, то скажешь, что потеряла. Беженцев сейчас хватает и у многих проблемы с документами. Платок повяжи на руку. Сейчас трехцветная повязка действует как пропуск, — инструктировал он подругу.

— Мне бы привести себя в порядок, — попросила Дюран, дотронувшись рукой до слипшейся в волосах крови.

— Попробуем найти какую-нибудь гостиницу, если они еще работают. Я оставлю тебя там, на ночь, а завтра вернусь, чтобы отправить дальше.

Их автомобиль сбавил скорость, так как впереди на обочине стояли несколько еще горящих грузовиков. Рядом с ними лежали тела убитых немецких солдат, а чуть поодаль на лужайке сидели немцы в плотном кольце часовых.

— Группа Шнайдера? — догадалась баронесса.

— Да. Не повезло беднягам. Думали уйти через город по шоссе. Совет преугадал их действия и выставил заслон, — дал пояснение картине за окном офицер.

— Ты тоже тут был? — тихо спросила она.

— Был. Тебе их жаль? А знаешь, сколько от рук гитлеровцев в Европе погибло людей? На нашем месте, они бы тоже не задумываясь, выполнили приказ.

Дюран ничего не сказала в ответ.

— Как ты выжил Поль? Наш начальник особого отдела говорил, что у тебя тяжкие статьи. А ты еще и командиром стал.

— Мне тоже повезло. Думал, замордуют особисты. Это они с виду интеллигентные парни, но лучше к ним в руки не попадать. А тут случилась революция. Тюрьму освободили, и мои статьи еще и помогли на хорошем счету оказаться, — улыбнулся Поль.

— Вот даже как бывает! — повеселел собеседник.

— Если ты думаешь, что это я на тебя указала, то ошибаешься, — тихо сказала девушка. Он снова посмотрел в зеркало на спутницу.

— Я знаю, что это не ты. Даже думаю, что и Дюбуа, здесь ни при чем, — поделился сокровенным Морель.

— А как же ты его тогда? — не договорила удивленная Селина.

— Я просто подыграл Роберу. Ты ведь тоже это сделала? — хотел услышать мужчина признание спутницы.

— Просто он сволочь! — разволновалась Селина.

— Тогда не будем о нем жалеть, — посоветовал Морель.

— Капитана жаль. Я всегда на него обижалась, а выходит, что он хороший человек и достойный офицер.

— Ты еще Робера пожалей. Он тоже достойный. Видел я таких, — злился Поль.

— Хватит об этом. Чувствуешь себя злодеем. Это война. Ты думаешь, капитан Лерц или тот же Робер окажись они в моей ситуации, стали церемониться? Думаешь, у них бы дрогнула рука? Ошибаешься. Они бы поступили точно также, — высказался Морель. Дальше они ехали молча. В Нетл-Дразе Поль заехал в первый попавшийся магазин готовой одежды и приобрел для Селины платье. Затем нашел не слишком дорогую гостиницу, в которой оставил девушку на ночь. Баронесса, как смогла, привела себя в порядок, чтобы выглядеть подобающе. Оценивающий, полный восхищения взгляд Мореля, прибывшего за ней утром, был тому подтверждением. Теперь они ехали на край города, в сторону трассы ведущей в Триксил. Здесь повстанцы установили контрольно-пропускной пункт, который дозированно пропускал в обе стороны поток беженцев. Ее провожатый поговорил о чем-то с начальником КПП и Морель пристроил девушку на повозку одного семейства, которое направлялось в Триксил. Он стоял у дороги до тех пор, пока повозка не затесалась в одну колонну беженцев и различить Селину, среди сотен людей стало невозможно.

Глава 5

Путь в Триксил оказался не такой скорый, как они его проделывали вместе с Юргеном. Он растянулся на долгих три дня мытарств. Уставшие и изнеможенные они снова уперлись в контрольно-пропускной пункт, но уже королевских войск Сандалора и германского оккупационного корпуса. Август второй, оказавшись под защитой вермахта, объявил нового премьера самозванцем и продолжил сотрудничество с немецкими войсками. Теперь Сандалор стоял на пороге гражданской войны. Глава семейства, к повозке которого определил Селину, командир отряда СНС Морель, вместо, того, чтобы походатайствовать перед королевскими солдатами о ней, просто на просто сдал Дюран сотрудникам службы безопасности. Документов, у нее ни каких, к семейству определил мятежный военный. Кому и что можно пояснить? Даже имея такое желание, ее просто никто не стал слушать. Теперь она на своей шкуре прочувствовала, что значит оказаться в темном фургоне, под завязку набитом людьми, к которым у службы безопасности появились вопросы. Конечным пунктом такой поездки всегда становилась городская тюрьма.

В связи с государственным переворотом в Сандалоре и попыткой страны выйти из вооруженного конфликта, что, кстати, не получилось в классическом виде, но привело к тому, что в самопровозглашенную Республику Сандалор вторглись войска антигитлеровской коалиции, гестапо пришлось усиливать свою работу по борьбе с иностранными шпионами. Англо-американские войска заимели плацдарм на материке, с которого запросто могли вторгнуться в южную Францию. Естественно усилилась разведывательно-подрывная работа соответствующих разведок. Триксил, который на время стал столицей Сандалора, был наводнен не только беженцами, уголовниками, дезертирами, мятежниками, но и диверсантами и шпионами англосаксов. С ними надо было вести борьбу, на усиление которой и прислали сюда из Франции оберштурмбанфюрера Фрица Лемке. Он был в курсе затеянной гестапо радиоигры с англичанами. Тайная полиция взяла их резидента, и теперь он работал под их контролем. Лондон обещал прислать связного с дальнейшим заданием для резидентуры, но каким способом он это сделает, не сообщалось. Понятное дело явочные квартиры были под присмотром агентов гестапо. Но просто ждать наудачу появления связного он не собирался. Каким-то же образом этот человек должен появиться в Триксиле? Сойдет с поезда, выпрыгнет с парашютом или зайдет с толпой беженцев? Он просто обязан это предугадать. На каждом направлении работали ответственные сотрудники. Сегодня он сам подключился к поиску. Начал с простого, анализа происшествий в городе. Потом перешел на задержания. Обычная скучная рутина листать сводки, но порой в этих простых сообщениях и кроется ключ к разгадкам хитроумных планов противника. Задержанных хватало. Цыгане, евреи, спекулянты, люди без документов. Взгляд зацепился за строчку из графы без документов. Фамилия доподлинно не установлена, называет себя немкой, заброшена в Триксил республиканцами Сандалора. Англичане так топорно не сработали бы. С документами у них всегда порядок. Хотя, как вариант рассмотреть стоит, тем более, что речь идет о немке. Он вызвал своего адъютанта и приказал приготовить машину для поездки в городскую тюрьму. Характерная черта всех тюрем — это утрюмый вид. Если храмы давили человека своей красотой и вели-

чием, то тюрьмы подавляли архитектурной убогостью и леденящим душу страхом, исходившим от самих стен таких заведений. Офицеру выделили свободный кабинет следователя и принесли дело Селины Дюран, так, по крайней мере, она себя назвала. Первым появился унтерштурмфюрер Вернер, которому доложили о прибытии начальства, а затем привели задержанную. Это была невысокая девушка в порванном цветастом платице. Кисти рук разбиты, на лице кровоподтеки, волос слипся от крови. Фриц Лемке недовольно сморщился.

— Кто ведет дело? Поинтересовался он у подчиненного.

— Декстер Льюис из местной службы безопасности. Мы отдаем им дела не особо важные, — пояснил унтерштурмфюрер.

— И что чтобы узнать имя девушки стоило ее так мордовать?

— Тут не совсем так просто. Эту девицу направил в Триксил офицер республиканец, о чем нам сообщил глава семейства, направлявшийся с семьей сюда. Его мы тщательно проверили. Искренность сандалорца не вызывает сомнений.

— Искренний донос! Это что-то новенькое в моей практике, — ухмыльнулся оберштурмбанфюрер.

— Она, что не идет на контакт?

— Не совсем так, оберштурмбанфюрер. Просто у Декстера республиканцы убили жену, и он порой перегибает палку, услышав, что кто-то связан с СНС, — дал пояснение подчиненный. Лемке еще раз заглянул в ее дело.

— Вы говорите по-немецки?

— Да, — облизнув пересохшие губы, ответила задержанная.

— Ваше имя? — последовал очередной вопрос.

— Я лейтенант Королевских ВВС Селина Дюран, — тихо ответила девушка.

— Даже так? Весьма интересно. Где же в таком случае ваши документы?

— Сгорели во время боя на аэродроме Нетл-Драза. Мы прикрывали отход группы майора Шнайдера.

— Вы, это кто? — хотел знать гестаповец.

— Те, кто остался верен присяге. Мой командир капитан Королевских ВВС Лерц.

Оберштурмбанфюрер поднял голову к Вернеру. Тот кивнул головой. Гибель Шнайдера-это факт.

— И как же вы спаслись? — последовал очередной вопрос.

— Капитан Лерц понимая, что аэродром не удержать, приказал мне уходить. Пожалел, наверное. Я была единственной девушкой в эскадрильи. Мне удалось скрыться. У местных крестьян выпросила это платье и приняла решение уходить, ведь я сама из предместья Триксила.

— Ну, хорошо. А, что скажете о том загадочном офицере, который провожал вас? — интересовался оберштурмбанфюрер.

— Его я встретила случайно. Он подобрал меня на дороге. Среди горящих грузовиков и трупов солдат, я выглядела перепуганной девчонкой. Сказала, что нашу машину сожгли, и я осталась одна. Там действительно пострадали во время боя и гражданские. Он спросил, куда я направлялась, и я соврала, что к тетке в Триксил. Парень пожалел меня и подбросил до Нетл-Драза, где помог сесть в повозку беженцев.

— А почему именно вас? Там больше никого не было? — прищурил глазки

офицер, не особо веря рассказчице.

— Были люди, но на их фоне я выглядела помоложе и привлекательней, не то, что теперь. Кого бы выбрал в попутчики господин офицер? Старуху или молодую девушку? — спросила она гестаповца.

— Логично. Будем считать появление военного случайностью. Кто может подтвердить, что вы действительно Дюран?

— Это очень просто. Мой отец живет в предместье города. Мать погибла совсем недавно при бомбежке Триксила.

Она назвала адрес. Оберштурмбанфюрер снова повернулся к Вернеру.

— Мы были по этому адресу. В настоящее время там нет никого. Ближайшие соседи выехали, и спросить практически не у кого.

— Что скажете? Куда мог выехать ваш отец? — продолжался допрос.

— У меня во Франции живет тетка. Может к ней поехал? Я дам адрес. А еще я училась в институте. У нас он один в городе. Там меня должны помнить.

— Разбомблен. Документы сгорели, — шепнул унтерштурмфюрер.

— Аэроклуб! Я училась там, в 1940 году. Хотя его закрыли в 1941, - вспомнила Селина.

— Остается летная школа. Там уж точно меня помнят.

— По документам такая особа проходила, но болваны из канцелярии утеряли фотокарточку.

Раздосадованный Лемке хлопнул кулаком по столу.

— Что за ерунда? Или над вашей легендой хорошо поработали или это роковое стечение обстоятельств?

— Я не шпион, — всхлипнув, произнесла Селина.

— Откуда знаете немецкий? — грозно рявкнул гестаповец.

— Мой отец Штефан Мюллер родом из Восточной Пруссии, после первой мировой эмигрировал в Сандалор, где, женившись на моей матери Софи Дюран, сменил фамилию на Дюран.

Пришлось Селине рассказать родословную родителя. Лемке только кивал головой.

— Запросы во Францию и по отцу направляли? — спросил он у унтерштурмфюрера.

— Следователь Декстер Льюис посчитал это лишним. Он считает, что арестованная врет, прикрываясь легендой, которую трудно проверить. Декстер просит два дня и тогда девушка сама признается во всем.

— Вернер, вы хотите сказать, что он просто выбьет нужные ему показания? Хороши работники!

— Господин офицер, я знаю, кто может подтвердить мою личность! — воскликнула Селина, понимая, чем может для нее завершиться пребывание в этих стенах. Оберштурмбанфюрер терпеливо ждал продолжения.

— Это пилот люфтваффе обер-лейтенант Юрген Шмидт. Их группа базируется на аэродроме Триксила. Мы вместе служили в Нетл-Дразе, — выдала информацию баронесса.

— Так почему вы сразу это не сказали? — возмутился Фриц Лемке.

— Следователя это не интересовала. Ему нужна была информация об офицере республиканской армии, — ответила Селина.

— Уведите арестованную! — приказал оберштурмбанфюрер.

— Вернер, это тяжело было проверить? Люфтваффе у нас под боком. Зачем

ехать в институт или писать какие-то запросы? Она четко сказала, что являлась пилотом Королевских ВВС. В Сандалоре много женщин пилотов? Этому Декстеру проще замордовать немку, чем подорвать свой зад и обратиться за информацией к люфтваффе! Если не хотите думать головой, то отправляйтесь на фронт. Там думать не надо, — кричал гестаповский начальник.

— Оберштурмбанфюрер, а если она действительно завербована англичанами? — осмелился высказать свое мнение подчиненный.

— Где вы видели, чтобы спецслужбы отправляли своего агента в тыл врага с офицером по форме? Ему оставалось только предъявить свое удостоверение этим беженцам, так было бы надежней. Это не тот человек, которого мы ждем. Девчонку поместить в отдельную камеру и больше не допрашивать. Устройте очную ставку с пилотом. Если опознание пройдет успешно, то девицу отпустить и извиниться! Да, да Вернер, извиниться! Не делайте кислую мину. Я понимаю, что в нашей работе есть издержки, но это не значит, что мы начнем «списывать» настоящих немцев, в угоду отучившихся думать Декстеров. Если вам, так важна помощь сандалорской полиции, то потрудитесь контролировать ее действия.

— Слушаюсь! — вытянув руки по швам, отчеканил Вернер.

— Вам все понятно по этой немке? — еще раз уточнил оберштурмбанфюрер.

— Тогда выполняйте! — собрался Лемке выходить.

— Хайль Гитлер! — козырнул Вернер.

— Хайль! — небрежно ответил гестаповец.

После беседы с гестаповским начальником у Селины затеплилась надежда на спасение. Ее перевели в отдельную камеру, а это было признаком того, что дело сдвинулось с мертвой точки. Встречаться со следователем костоправом ей очень не хотелось. Когда загромыхал засов на двери камеры и надзиратель повел ее на допрос, Селина внутренне собралась, приготовившись к любым неожиданностям. В помещении сидел за столом один унтерштурмфюрер. Слава богу, следователя сандолорца Декстера не было. Ее поставили в угол. Мужчина, не поднимая глаз, что-то писал. Когда заскрипели двери и через порог шагнул Юрген Шмидт, гестаповец поднял голову.

— Хайль Гитлер! — приветствовал Вернера обер-лейтенант. Тот снисходительно кивнул. Юрген выглядел просто великолепно. Стройный, подтянутый, в выглаженной форме и до блеска начищенных сапогах. Он сразу же узнал в затравленной, изнеможенной девушке свою Селину. Баронессе стало стыдно за свой внешний вид, и она попыталась натянуть краешек порванного платья себе на плечо, чтобы оно скрыло оголенную грудь.

— Обер-лейтенант Шмидт, арестованная утверждает, что знает вас. Могли бы вы опознать эту женщину? — спросил представитель тайной полиции.

— Так точно, унтерштурмфюрер, она мне знакома, — с каменным лицом ответил пилот.

— И кто она? Можете назвать имя?

— Это баронесса Селина Дюран, пилот истребительного полка Королевских ВВС Сандалора.

— Как вы с ней познакомились? При каких обстоятельствах?

— Нашу группу истребителей перевели из Сицилии на аэродром Нетл-Драза, там мы и познакомились, — ответил вошедший.

— Как вы можете характеризовать Селину Дюран? — прозвучал очередной вопрос.

— Она немка по отцу, что вызывало определенные трения с сандалорцами. Они негативно относились к тому, что лейтенант Дюран, охотно помогала в решении бытовых и других вопросов, нашему командиру майору Шнайдеру. Она очень хорошо относилась к военнослужащим Великой Германии. При совместном патрулировании со мной и фельдфебелем Шульцем, в воздушном бою сбита самолет противника. Не ее счету четыре сбитых самолета коалиции.

— Вы отвечаете так, словно были ее командиром или хотите быть ее адвокатом, — заметил Вернер.

— Господин унтерштурмфюрер, в чем обвиняют лейтенанта Дюран? — сухо поинтересовался пилот люфтваффе, но в его глазах промелькнула озабоченность.

— А с чего вы взяли, что мы ее в чем-то обвиняем? — иронично спросил гестаповец.

— Это не гостинница, — кивнул Шмидт на толстые стены.

— И сюда просто так не попадают.

— Хм. Согласен. Фрау Селина пересекла линию фронта без документов, и нам пришлось привлечь вас для установления ее личности. Город кишит агентами англо-американцев, и отделять своих от чужих наша работа. Я рад, что вы нам помогли. Уведите задержанную.

Баронесса, не проронив и слова, вышла следом за надзирателем.

— Что с ней будет? — посмел Юрген задать вопрос. Унтерштурмфюрер ответил вопросом на вопрос.

— Как вы думаете, ее могли завербовать для работы против нас?

— Кто? Американцы? От их бомб погибла ее мать. Эти, что пришли к власти в Сандалоре, ненавидели ее за национальность. Она до конца была верна присяге и осталась на стороне тех, кто выступал за королевскую власть. Если вы не верите мне, то можете спросить любого из нашей эскадрильи. Селину Дюран у нас знает каждый летчик.

— Вот и отлично! — отчего-то обрадовался гестаповец.

— Вы сняли камень с моей души. Я смотрю, вы хорошо посвящены в ее дела, если из всех пилотов девушка назвала ваше имя? — как бы, между прочим, поинтересовался унтерштурмфюрер.

— У нас были совместные полеты.

— Но, это не повод, чтобы делиться сокровенным, — хитрил Вернер.

— Я знаком с ее родителями. Вернее, был. Как я уже сказал фрау Софи, совсем недавно погибла под бомбежкой. Ее отпустят? — переживал Юрген.

— Конечно. Осталась маленькая формальность. Скажите, ей есть куда пойти? — спросил Вернер.

— Отец живет в загородном доме под Триксиллом, — поделился информацией пилот.

— Сейчас там никого нет. Вы на машине обер-лейтенант?

Тот утвердительно кивнул головой.

— У меня к вам будет убедительная просьба. Не смогли бы вы доставить девушку по месту проживания? Наши нерадивые сотрудники слегка испортили ей платье, а идти по городу в таком виде, было бы не совсем удобно — попро-

сил об услуге унтерштурмфюрер. Юрген увидев, что здесь сделали с Селиной, гораздо бы жестче, отозвался о так называемых нерадивых сотрудниках.

— Непременно выполню вашу просьбу, — поспешил покинуть это здание, офицер люфтваффе.

Он дождался Дюран в машине. Девушка вышла из центрального входа и скрестив руки на груди, сгорбившись, словно старуха побрела по тротуару. Шмидт поравнялся с ней на автомобиле и, выскочив с места водителя, накинул на плечи девушки летнюю куртку, и усадил на переднее сидение. Оказавшись в безопасности Селина разрыдалась.

— Ну, ну, моя девочка перестань. Все уже позади! — попытался ее успокоить Юрген. Он вел авто по улицам города, а Дюран все плакала, не находя сил остановиться. Вместе со слезинками из нее уходил страх и боль. Немного успокоившись, баронесса вытерла лицо шелковым трехцветным платком. Шмидт помнил его. Это был подарок Мореля.

— Рассказывай, как ты очутилась в гестапо? И вообще, как ты оказалась в Триксиле, ведь ты оставалась в Нетл-Дразе?

— Ты же помнишь, что произошло на аэродроме? — тихо спросила Селина.

— Конечно, помню. Мы еле унесли оттуда ноги.

— Унесли ноги? — переспросила она.

— Это все благодаря капитану Лерцу. Он предупредил Шнайдера об опасности. Я была на этой встрече, как переводчик. Капитан поступил весьма благородно. Зря я на него все время обижалась.

— Так ты была вместе с ним? И что же с капитаном случилось? Мятежники обстреляли нас. Там был бой, я видел его из самолета, — вспоминал Юрген.

— Те, кто остался верен присяге, приняли бой. Мы находились в штабе, когда СНСовцам пришло подкрепление из города. Меня контузило. Когда пришла в себя, капитан приказал начальнику особого отдела закрыть меня в камере. Они думали, что республиканцы не догадаются, что я была с ними заодно. Но мои корни погубили меня. Мне припомнили, кто я. Знаешь каково быть приговоренной к расстрелу?

Офицер люфтваффе задержал свой взгляд на лице Селины.

— Они, что хотели расстрелять тебя? — недоверчиво спросил Шмидт.

— Представь себе. И ни у кого это не вызывало ни каких жалобных эмоций, — всхлипнув произнесла Селина.

— И как же ты спаслась? — хотел услышать парень продолжение истории.

— Поль, почти силком вытащил меня из строя смертников. Он спас меня.

— Но, ты же говорила, что его арестовали? — удивился Юрген.

— Новая власть освободила его из тюрьмы и назначила командиром отряда, которому было поручено захватить аэродром, — рассказывала Дюран.

— Выходит, что это его люди расправились с нашим майором? — сделал вывод летчик.

— Выходит, что так. Я видела разбитую колонну. Там мало кто остался в живых.

Шмидт злобно ударил руками по колесу руля.

— Я ему предлагал лететь в самолете. Вон их, сколько свободных стояло, а он нет, как я брошу всех остальных? Сам хотел всех вывести. Вот и вывел!

— Капитана Лерца и нашего особиста тоже расстреляли. Они так переживали, чтобы я осталась жива. Свои своих! Хотя, чему тут удивляться, меня

здесь пытал тоже свой, сандалорец. Спасибо, что вытащил меня. Если бы не ты, то забили до смерти, — вздрогнула девушка от пережитого.

— Даже не стоит благодарить это мой долг. Это Морель направил тебя сюда? — снова задал вопрос Юрген.

— Он помог выбраться из Нетл-Драза. Не знаю, что ему за это будет? Мою офицерскую книжку выбросил. Сказал, что без нее будет надежней, а видишь, как получилось?

— Да, тебе не позавидуешь. Документы мы восстановим. Я помогу. А, чем планируешь заняться? — хотел он знать перспективу.

— Дай мне отойти от всего этого, — неопределенно ответила баронесса. Мужчина сделал одну остановку, чтобы купить продуктов. На дороге за городом было безлюдно, и они без проблем оказались возле дома Дюранов.

— Гестаповец сказал, что сейчас здесь никого нет, — обеспокоился Шмидт, поднимаясь на порог.

— Отец, возможно, поехал к сестре матери во Францию, — пояснила баронесса.

— Тогда, как мы попадем в дом?

— Я знаю, где ключ. Мы там всегда его оставляли, — успокоила его девушка, зная, как проникнуть в дом. Они прошлись по пустым комнатам. Селине здесь все напоминало о погибшей матери. Слезы навернулись на ее глазах.

— Где ты мама? Зачем поехала в этот город?

— Тебе необходимо принять ванну. Я натоплю титан, — услужливо предложил летчик.

— Да, да, спасибо! Ты такой..., заботливый, — подумав, продолжила Дюран.

Шмидт занялся хозяйственными делами. Когда девушка, смыв с себя грязь тюремных нар появилась в комнате, ее ждал приготовленный Юргеном ужин. Увидев Селину в домашнем халатике, в тапочках на босую ногу он почему-то подумал, что ему нужна именно такая женщина. Невзирая на ссадины и следы побоев, девушка выглядела очень притягательно. С одной стороны, нежная, хрупкая, а с другой волевая и очень храбрая. Барбара была совсем не такой. Да и кто сейчас о ней думал? Юрген не выдержал и, подойдя в плотную, обнял Селину и осторожно поцеловал ее. Дюран били по лицу, и грубый поцелуй мог причинить ей боль. Она не оттолкнула парня, а лишь забормотала, что не причесана и выглядит после общения со следователем не важно. Вот как раз это для пилота и было не важно. Он хотел ее, но совесть не позволяла ему воспользоваться моментом, когда девушка оказалась беспомощной и не смогла бы отказать Шмидту. Это было бы не честно с его стороны. Он прижал к себе Дюран, вдыхая аромат ее волос.

— Мое предложение остается в силе, — прошептал он ей на ухо.

— И я не тороплю тебя с ответом.

— Я подумаю, — ответила баронесса.

Потом был ужин при свечах и рассказ Селины обо всем пережитом. Если бы не надо было возвращаться в часть, он бы наверняка остался на ночь, и скорее всего и девушка была не против их близости, но долг превыше всего!

Селине хотелось позабыть все произошедшее, как страшный сон. Когда вернулся отец, ей стало значительно легче. Юрген навещал ее, когда удавалось вырваться с аэродрома. Дюран-старший предлагал устроиться ей на работу в какое-нибудь немецкое учреждение в качестве переводчика. Сейчас это

была востребованная профессия. Но тот, кто однажды понял, что такое небо и что значит летать уже бы не смог просто так ходить по земле. По ночам девушка все чаще и чаще выходила на порог дома, чтобы посмотреть, как шарил в небе лучи прожекторов, выискивая притаившегося во тьме коварного врага. Выстрелы зениток не переставали бухать ни днем, ни ночью. А где-то там высоко в небе, Юрген рискуя жизнью, защищал ее город от американских бомбардировщиков. Могла она остаться в стороне? Ее руки знали, что такое штурвал истребителя, а сердце горело желанием отомстить за мать.

Комендант Триксила был удивлен, увидев девушку, которая добровольно хотела встать на защиту страны. Санитарок видел, связисток тоже, но, чтобы летчиц, то это впервые. Благо аэродром был рядом, и вопрос зачисления баронессы в ряды люфтваффе можно было решить по месту.

Глава 6

Надежды Поля, что страна сможет выбрать самостоятельный путь развития, рухнули с появлением в Республике сил коалиции. Сейчас в мире было три основных лагеря, тот, кто с Гитлером, против него и притворяющихся нейтральными. Почему притворяющихся? Потому, чтобы оставаться независимыми приходилось подыгрывать, то одной стороне, то другой. С нейтралитетом у Сандалора не получилось. Формально частью страны, которую не успели оккупировать немцы, управлял Совет Национального Спасения, но с приходом сюда англо-американцев из СНС под различными предложениями убрали всех левых и тех, кто им сочувствовал. Неизвестно кого больше боялись союзники, коммунистов или фашистов? Он хоть и не был коммунистом, но его испанское прошлое вызывало у руководства некоторые опасения. Из командиров его перевели в разряд пилотов. Республика Сандалор формировало свои ВВС и поэтому летчики были крайне нужны. Особо играть в демократию никто не стал, и командиром эскадрильи назначили англичанина Гарри Уокера. Чопорного, заносчивого капитана, который люто ненавидел немцев. Если немцев он ненавидел, то сандалорцев просто презирал. Презирал за то, что, когда «запахло жареным» переметнулись от Оси к антигитлеровской коалиции. Наверное, из-за своего высокомерия и был такой придирчивый. То пуговица не так пришита, то ботинки начищены не до блеска или еще чего-нибудь. Понятное дело, что его не любили, но ничего поделать не могли. В командовании англичан была одна положительная деталь. Пилотов Сандалора учили летать на «спитфаерах». Республиканские ВВС отказались от старой французской и итальянской техники. Новые хозяева снабдили их более современным парком машин. Пока шло формирование и обучение летного состава, воздушный флот, если так можно было назвать две эскадрильи самолетов, к боевым действиям не привлекали. Но так долго продолжаться не могло. По мнению Уокера, сандалорцы должны были кровью доказать преданность своим новым хозяевам. И такая возможность представилась ранним утром 15 августа 1944 года. Эскадрильи были подняты в небо для прикрытия американских бомбардировщиков, которые несколькими волнами устремились на южную Францию и оккупированный Германией Сандалор с Корсики и Италии. Гарри Уокер лично возглавил группу. По радиации он всех поздравил с началом операции «Драгун», целью которой являлось освобождение Сандалора и южной Франции. Войска Англии, США и Свободной Франции начали десантную операцию на побережье Франции, между Тулоном и Каннами, а англо-американский корпус при поддержке республиканской армии Сандалора двинулся на Триксил.

На аэродроме люфтваффе в Триксиле завывала тревога. Командование потребовало поднять в небо, все, что могло взлететь. Авиация коалиции явно собиралась нанести бомбовый удар по их базе и самому городу. Чем бы это закончилось для горожан, понятно. Поднялись в небо все, кто мог и для многих этот бой, возможно, станет последним.

Морель еще никогда не видел такого количества самолетов. Они заполонили все небо. Тяжелые бомбовозы шли стройными рядами, и казалось ни какая сила, не способна была их остановить. Истребителям пришлось подняться на высший эшелон, чтобы не путаться у В17 под ногами. Эта армада была способ-

на сравнять с лицом земли целый город, а целью у нее был Триксил, с его аэродромом и железнодорожным узлом. Сейчас Поль подумал о Селине. Если она успешно добралась до своих родственников, то сейчас ей угрожала реальная опасность. «Мейссершмитты» вынырнули из облаков малой стайкой и кинулись на стройные ряды бомбардировщиков. Раздалась команда атаковать и тут завертелось. «Спитфаеров» и «Харикейнов» было значительно больше, чем сил противника, но немцев это не смущало. Поль включился с головой в эту свистопляску. Пулеметная очередь, вираж и вот он в хвосте противника. В наушниках зазвучали переговоры летчиков противника. Морель учил в институте немецкий язык и понимал, о чем шла речь. Он радовался сбитым «мейсерам» до тех пор, пока не услышал знакомых позывных.

— «Рыцарь» у тебя на хвосте двое! — предупреждал кто-то своего товарища.

— Не могу их сбросить! — волновался «рыцарь».

— Еще двое! Уходи в пике! Помочь не могу! Тра-та-та! — заработал пулемет.

— Рыцарь, рыцарь? — вспоминал Поль позывной немца.

— Что-то знакомое! Он его уже слышал.

— Юрген, иду на помощь! — ворвался в эфир женский голос.

— Нет, «Туфелька» уходи сама! — почти кричал «Рыцарь». Теперь Морель знал с кем, имеет дело. «Рыцарь» — это Юрген Шмидт, его соперник по уходу за Селиной. Но, «Туфелька», это же позывной Дюран! Неужели и она вместе с ними?

— «Испанец», взяли в клещи «мейсер» и гоним на тебя. Смотри не промахнись! — это уже касалось его самого. Гарри Уокер лично присвоил ему такой позывной.

— Не переживайте, разыграем как по нотам! — заверил он своего командира, заметив, как «спитфаеры» загоняют свою добычу. И вновь голос Селины, именно ее. Он бы не с кем его не перепутал.

— «Рыцарь», почему молчишь? Отзовись? Где ты?

— Меня подбили. Падаю, — прохрипело в наушниках у Поля.

— Юрген, прыгай! — требовала «Красная туфелька».

— Не могу, ранили. Прощай Селина! — были последние слова обер-лейтенанта.

— Юрген! — просто взвыла в эфире баронесса. И по этой интонации Поль понял, что немец для нее значил очень многое. А как же он? Он ведь тоже ее любил и сделал для Селины не мало.

— Ну, и черт с ним с этим фашистом! Лишь бы она осталась жива, — решил про себя Поль. Радиопереговоры не умолкали и дальше.

— Шульц, Юргена больше нет, — с болью в голосе сказала Дюран.

— Понял. «Туфелька», я сбил его! — радостно завопил тот, кого называли Шульцем.

— Я сбил В17! Где ты? Ты меня слышишь?

— Слышу. У меня трое сзади. Это конец, — обреченно ответила девушка.

— Трое сзади? — переваривал информацию Морель.

— Не может быть! — прозрел сандалорец. Выходило, что именно на него и гнали Селину. Он был должен покончить с ней. За, что это все? Что он в жизни сделал не так, если должен своими руками покончить с дорогим человеком? Почему?

— «Испанец» принимай добычу! — радостно объявил Гарри Уокер.

— Нет! Он так не может поступить! Если он убьет Селину, то для чего жить?

Палец сполз с гашетки. Вместо того, чтобы разделаться с «мессершмиттом» Морель потянул штурвал на себя, резко набирая высоту.

— Что ты делаешь, идиот? — заорал раздосадованный Уокер. Дюран не растерялась и всадила в брюхо его «спитфаера» очередь из скорострельной пушки. Самолет вздрогнул, задымил и начал валиться на бок. Поль попытался выровнять истребитель, на какой-то момент это ему удалось сделать. Он даже успел посмотреть, что случилось с «Мессершмиттом» его подруги. Шансов у Дюран не было, ни каких. Ее боевая машина с нарисованной на фюзеляже красной туфелькой быстро приближалась к земле, оставляя после себя шлейф черного дыма.

— Сбили? Так нет же! — он с облегчением увидел белый купол парашюта. Мотор «спитфаера» чихнул и окончательно заглох. Самолет завалился в штопор. Самое время покинуть кабину пилота. Может где-то на земле он встретит Селину? Почему бы и нет? Рука потянулась к «фонарю» кабины. Одно движение, и он сможет совершить прыжок. Но, что это? Самолет Уокера сделав разворот, открыл огонь по парашютисту.

— Так нельзя! — закричал Поль.

— Это не по правилам!

Наверно его никто не услышал. Трассеры прошили вражеского летчика. Тело девушки дернулось, руки обвисли по швам.

— Еще одному фрицу конец! — радостно возвестил англичанин. Самолет Мореля падал совсем рядом от планирующего безжизненного тела Селины. Парень больше не собирался покидать горящую машину. Смысла в дальнейшей жизни не было никакого. Последнее, что увидел Поль, это как с шеи Дюран слетела трехцветная шелковая ткань платка, который он подарил летом 42-го, и словно маленький парус полетела вниз. Если Дюран носила его подарок с собой — значит, парень был для нее не безразличен? Горячие слезинки покатались по щекам. А земля все ближе и ближе. Когда до столкновения оставались считанные метры, его душу наполнила безмерная, леденящая пустота. Все его идеалы рухнули, а люди, ради которых хотелось жить, погибли. С этим миром его уже больше ничего не связывало.